

ОГОНЕК

МАШИНЫ НА ПОЛЯХ—СТАЛЬНАЯ СПАЙКА МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

Ячейка ВКП(б) завода „Трансмиссия“ на коммунистических субботниках ремонтирует с.-х. машины, найденные шефским обществом Красно-Пресненского района на складах Райсовета. К 1-му мая орудия передаются в подшефную Кармановскую волость, Вяземского уезда, Смоленской губ.

Так рабочие завода „Трансмиссия“ осуществили ленинский лозунг об индустриальной смычке города и деревни.

Фот. С. Фридлянда

СПЕШИТЕ КУПИТЬ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВНУТРЕННИЙ
ВЫИГРЫШНЫЙ

ЗАЕМ
1929
ГОДА.

4 ТИРАЖА В ГОД

ВЫИГРЫШ

100.000 руб.
50.000 руб.
25.000 руб.
10.000 руб.
5.000 руб.
1.000 руб.
250 руб. и 100 руб.

В КАЖДОМ ТИРАЖЕ
5.600 ВЫИГРЫШЕЙ
НА СУММУ 1.053.100 руб.

УСЛОВИЯ ПРОДАЖИ ЗАЙМА

Продажа облигаций производится во всех банках, сберкассах и обществах Взаимного Кредита. С 25-го апреля по 15-е мая продажа по справочным ценам. С 15-го мая продажа займа по биржев. курсу. ПЕРВЫЙ ТИРАЖ ВЫИГРЫШЕЙ—30 июня 1929 г.

АНЦ-О-ВО
СОВЕТСКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

М.С.Э.

ГОСИЗДАТ
Р.С.Ф.С.Р.

МАЛАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В 6 ТОМАХ

ЦЕНА
5 руб. 50 коп.
ЗА ТОМ

ЗАДАТОК
3 руб.

Подписка во всех магазинах госиздата

СЕНСАЦИОННАЯ НОВИНКА

Военный академ. А. Д. Шеманского; допущ. Наркомвзделом в курорт, санат., общежит. Ц. в нап. кор. 5 р., в дерев. 6 р., в ящ.-доске 7 р. 50 к., высш. нал. плат. без задат. Перес. ва 1 1/2 кило. Учрежд. особ. услов. Ленинград, ул. Некрасова 58, кв. 47, изобр. А. Н. ПЕТРОВ.

любые немедленно высыл. наложен. плат. МУЗСЕКТОР ГОСИЗДАТА (Москва, Невский, 14/10), КАТАЛОГИ (фортепиано, вокальный, балет, дуэтов, орк., струнный, мас. худож. литер. книг по музыке). ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО!

ШКОЛА ОРАТОРА

В. Н. СЕРЕННИНОВ.
Полный курс ораторского искусства. Пособие для ораторов, лекторов, чтецов, кружководов, школьн. преподав., актеров.
I ч. Техника речи. Сверхс. Ц. 1 р. 75 к.
II ч. МУЗЫКА СЛОВА.
III ч. ШКОЛА ОРАТОРА — в одном томе.
С первоначальной ценой 2 р. 85 к. Цена за все 3 части с перво. — 4 р. 25 к. Москва, ул. Герцена, 31/3 Кооп. Т-ву „СОВРЕМЕННОСТИ“.

РЕМЕСЛА НА ДОМУ

Домашний мастер
Изд. 1929 г.

Работы по дереву и металлу, электротехника, радио, фото, игрушки; переплет, коробоц. и пакети. дело; окраска тканей, вышит. чернил и пр. с 306 рис., с перес. Ц. 2 р. 75 коп. МОСКВА, ул. Герцена, 31/3 Кооп. Т-ву „СОВРЕМЕННОСТИ“.

Очередной отзыв №198.

„БОЛЕЕ 10-ти ЛЕТ

я тщетно искал путей избавиться от ереда, приносимого курением. Скептически я относился к разному роду „антиникотинам“ даже в тот момент, когда посылаю вам требование на мундштук.

Но вот уже более 3-х месяцев я пользуюсь вашим удивительным средством (мундштуком „Антиникотин“).

Нет того страшного кашля, которым я всегда страдал, исчезли головные боли и пр. явления. Я спокоен. Приношу глубокую благодарность.

И. К. Капельмордский.
Г. Каменск. Шахт. окр.
Агентство Гостраза

Поступающие ежедневно многочисленные отзывы, подобные вышеприведенному, непосредств. от курящих, а также от врачей, наблюдающих благотворное действие от применения мундштуков „Антиникотин“ на своих пациентах (особенно при болезнях сердца и легких) — лучше всего рекомендуют „АНТИНИКОТИН“ системы проф. Гейнц-Герха.

Разрешено Мосздравотделом. Испытано госуд. научными институтами.

Цена курит. прибора из мундштука полиров. рога, с принадлежностями—2 р. 75 коп.

Из карельской березы—3 р. 25 к. Из искусств. янтара—4 р. 50 к. При желании в изящном футляре из орехового дерева на 3 руб. дороже.

ТРУБКИ „АНТИНИКОТИН“—прибор с принадлеж. 6 р. и 7 р. Высылается наложен. плат. немедленно по получении, половины стоимости. Пересылка по тарифу.

Адресовать: Москва, ящик 705, производству „АНТИНИКОТИН“ И. Л. Шейнблюма.

В МОСКВЕ И ЛЕНИНГРАДЕ продажа производится во всех госуд. табачных магазинах и киосках.

Ввиду популярности ПОДЕЛОК, обращайтесь к ним на оригинальную упаковку и торгующий знак, заявленный в КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ИЗобрЕТЕНИЙ ВСХ.

„СОВКИНТОРГ“
МОСКВА, М. Гнезниковский 7. Телефоны: 1-67-62 и 5-81-63.

ВСЕ для ФОТО

МАГАЗИНЫ: в Москве, Ленинграде, Ростове и Д., Свердловске, Самаре, Саратове, Орле, Владивостоке, Ново-Сибирске, Н. Новгороде, Ярославле, Баку, Иркутске, Красноярске, Сталинграде.
Прейс-курранты по требованию бесплатно.

СПУТНИК РЫБОЛОВА
любителя
дополн. издан. с рис. Рождественский—1 руб.
ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ, дождя и уход за ними, с рис. Святоцкий—1 р.
НАБИВКА ЧУЧЕЛ птиц, зверей и собиран. коллекц. Залесский. Дополн. изд. с рис. и табл. 70 коп.
Требуйте каталог ПО ОХОТЕ ИНИИ ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ
Высыл. нал. плат. Иници. база Бауман. районов. „ШЕФ-КНИГА“ МОСКВА, Орликов № 8/0.

НЕ ТРЕБУЕТСЯ ЗНАНИЯ ПОТ
Новый общий самоучитель
для ГИТАРЫ,
МАНДОЛИНЫ и БАЛЛАДЫ
с нов. песнями, романс. и пр.
Цена 2 р. 50 к.
для ГАРМОНИИ
(духр.) такой же самоуч. с 80 муз. ЖЕ высш. за 2 р. 25 к. Москва, Подлех. музей 110/0. Кооп. Т-во „КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ“.

ПОСЛЕДНЯЯ МОДА ПАРИЖА! ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ ЖЕМЧУГА

искусств., массивн., тяжеловесн., не бьющ., не отлич. от настоящ., 42 см., с серебр. замк.—9 руб., 50 см. с серебр. замк.—11 р., 65 см., с серебр. замк.—14 р. 180 см.—28 р., 150 см.—27 р., 170 см.—31 р.
СЕРЬГИ франц. типа „КЕПТА“ серебр., последн. модн. фасон.—4 р. 65 к. Упаковка, пересылка и страховка посылок бесплатно. Высылаю наложен. платежом.
Имеется много благодарностей.
Ленинград 40, Пушкинск. 10, кв. 66., А. В. Штейн

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Половая жизнь, формы любви, половые извращения, половая гигиена, боденн и мн. друг. проф. А. Форель, в 2-х томах. Цена с пересыл. 4 р. 50 к. Москва, Китайгор. ст. п. № 7/8, или почт. ящ. 867/8. Кни. дело „БУКИНИЕРИ“. И. А. Дувицзон.

ДЕШЕВЫЙ СТОЛ

Настольн. поварен. книга разнообр. пищу, ассорти. меню в 500 разн., питательн. вегетарианских диетических блюд (завтраки, обеды, ужины, десерты, печенье и пр.) пост. С. Анна Ц. 1 р. 50 к. Высыл. наложен. платеж. Москва, Подлех. музей 110/0. Кооп. Т-во „КУЛЬТУРА И ЗНАНИЕ“.

ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ ЛУЧШЕГО КАЧЕСТВА

ТУАЛЕТНОЕ ДУХИ
МЫЛО ПУДРУ
ОДЕКОЛОН КОСМЕТИКУ

НЕ УСТУПАЮТ ПО КАЧЕСТВУ и ВНЕШНЕМУ ВИДУ ОДНОРОДНЫМ ИЗДЕЛИЯМ ЛУЧШИХ ЗАГРАНИЧНЫХ ФИРМ

ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ—„Ленжет“

ВЕРНЫЙ ЗАРАБОТОК
всем изучившим ПО САМОУЧИТЕЛЮ полный курс

КРОЙКИ И ШИТЬЯ

ЖЕНСКИХ, ДЕТСКИХ ВЕРХИ, ВЕЩЕЙ и ПЛАТЬЕВ. МУЖСКОГО, ЖЕНСКОГО и ДЕТСКОГО БЕЛЬЯ.
В книге 300 рис., черт. и выкроек.
Цена с пересыл. 3 р. 35 к.
Книжный склад КНИГОБЫТ М. Исаенко и Ко. Москва, ул. Герцена, 15/25.

Для САМООБРАЗОВАНИЯ

и подготовки В ВУЗЫ
Полный курс физики и химии (950 стр.). Сост. по новому методу Рекоменд. Гос. Ученым советом. В. Г. ФРИДМАН
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ УЧЕБНИК ФИЗИКИ и ХИМИИ
новое издание специально. вопросник и 900 рис. Гарант. быстроту и успешн. усваиваемость. Высыл. нал. плат. 3 р. 75 к. сверхс. Москва, Моховая, 22/3. Кооп. Т-во „САМООБРАЗОВАНИЕ“

КНИГИ ПО ВСЕМ ОТРАСЛЯМ НАУКИ И ТЕХНИКИ

высылает наложен. платежом
Книжный сектор КУБУЧА.
Ленинград, Мойка, 53/0.
КАТАЛОГИ и ПРОСПЕКТЫ БЕСПЛАТНО

ЧЕРВОННАЯ ВЕСНА

Стихотворение Ивана Молчанова

Не чопорные сосны
Шумят над головой,—
Умчавшиеся весны
Волнуются за мной.

Шеренгой неохватной
Повыстроившись в ряд,
Под золотом заката
Горят
И говорят.

И я стою взволнован,
Стою, оцепенев.
Во мне бьются снова
И ненависть,
И гнев.

Я вижу:
На полянку,
В березовый уют
Знамена спозаранку
Из города плывут.

И голос человечий—
Весенняя гроза.
Взволнованные речи,
Тревожные глаза.

Призывы к забастовке,
Цыгарок синий дым,
Горячие листовки
За поимом
Тугим.

Друзья, шумят знамена...

Ах, память, память, память!..
Те речи—горячи.
Осыпались снопами
Весенние лучи.

Лихих речей угар мы
Умерить не могли.
Усатые жандармы
За рощей стерегли.

Кипели в пене кони,
Гремели удила...

„Маевка“

Жестокая погоня,
Кровавые дела.

Ах, память, память, память,
Не тронь давнишний сон!
Горячими руками
Знамена мы несем.

Мы тратили патроны
И жар своих речей,
Чтоб майские знамена
Горели горячей,

Чтоб молодость крутая
С червонною весной
Шумела, вырастая
В Республике родной,

Чтоб наше поколение,
Услышав пушек вой,
Не встало на колени
Пред тучей грозовой...

Страна лесов и пашен,
Березовый туман...
Глядят на флаги наши
Глаза далеких стран.

С надеждою
И с болью
Глядят из-под оков
На пышное раздолье
Взрастающих садов.

Там шаг весны не четкий
И глух набата гром,
Незыблемы решетки
Тюремных катакомб.

Но с каждою весной
Редет пелена,
Встает борьба волною
Безбрежна
И гневна.

Друзья,
Шумят знамена
Легки и горячи.
Друзья,
Падут со звоном
Тюремные ключи.

И молодое,
И рьяное
За шумною волной

Картина худ. М. Янкова 1896 г.

Зардеют эти страны
Советскою весной...

Иду, и наши сосны
Шумят над головой,
И радостные весны
Плывут передо мной.
Шеренгой неохватной,
Повыстроившись в ряд,—
Под золотом заката
О мае
Говорят!

Иван Молчанов

Шеренгой неохватной...

КОМСОМОЛЬЦЫ — В ПЕРВЫХ РЯДАХ

Очерк Бор. Галина Снимки И. Рикка

„Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин“.

Это говорил Ленин в двадцатом году третьему съезду комсомола.

17 сентября 1926 года первая ударная группа в 120 комсомолок нанесла удар шестидесятилетним привычкам. 17-го сентября впервые на „Красном Треугольнике“ 120 девушек, во главе с инженером Старосельским, нарушили шестидесятилетний обычай стоять. Они сели за длинные столы, по восемь за каждый, и стали делать калоши по-новому. Через шестнадцать рук по конвейеру, будто по реке, поплыла советская калоша.

Никто не хотел пойти в нотовскую мастерскую. Пошли комсомолки. Старички говорили:

— Шестьдесят лет делали калошу стоя, шестьдесят лет каждая делала всю калошу, а теперь захотели по-новому.

Тогда же калошница Голубева, много лет стоявшая за дубовым столом, наряжавшая колодку в шестнадцать приемов, написала в газету:

„Интересно, зачем нужен НОТ? По моему мнению, просто-напросто: инженерам — как научный опыт, а хозяйственникам — как прибыльное дело. Для работников же НОТ никаких обещаний не дает.“

Молодые очень горячо высмеивают старых работников за то, что они трусихи, а молодежь, мол, первая пошла на НОТ. И мы, старички, пошли бы работать по НОТ-у, да только вся разница в том, что мы привыкли глубже смотреть на вещи. Не пойдем на НОТ!

Калошница Голубева“.

В этих нерушимых стенах, где шестьдесят лет работницы стояли, комсомолцы в сентябрьский день 1926 года в 8 утра открыли новую страницу в истории „Красного Треугольника“, в истории рабочего труда. Это они — Маруся Матвеева, Люся Котолымова, Белина, Киселева, Каплан, Настя Петрова, Макарова, Орлова, Хабарова, Дмитриева, Обляева Леля, — первые сели за стол и потянули за собой сто двадцать.

Первый день они дали 80 пар калош. Браку — 40 пар.

Ударная бригада на Днепрострое. Крестиком (X) отмечен организатор бригады — комсомолец тов. Рылин.

Второй день — 120 снова дали 80 пар. Девушки прятались от взрослых. Инженер заходил в мастерскую и спрашивал:

— Кому трудно, пусть уходит. Не возьмете себя...

Встать и снова идти в мастерские, где насмехались, показать, что вся затея ни-

чего не стоит, никто не пожелал. Из ста двадцати ни один не дезертировал. К концу четвертого дня они дали норму: 224 пары. И на пятый, шестой, седьмой, десятый день ничто уж не задерживало калошу: она проходила через молодые комсомольские руки нарядная, сияя резиной и красной стелькой. Ничто уж не угрожало ей. Победили молодые ударники. Ударник давал тридцать пар в день, а старички, работавшие „на номерах“ — семнадцать. Каждый из 120 — давал стране ежедневно лишние 13 пар, отво-
еванных у старого.

Теперь на „Треугольнике“ 13 ударных бригад молодежи. Сто молодых работниц разбросаны по огромному заводу. Объединенные в тринадцать бригад, они открыто дерутся против лени, разгильдяйства, брака, прогулов. Почин ударников подстегивает лодырей, не дает возможности работать по-старинке.

В конце марта организовалась четырнадцатая бригада, штрафная, как говорят на заводе. 10 прогульщиков вошли в бригаду и дали честное слово 20-тысячному заводу работать без прогулов, по-новому. Они обратились ко всем рабочим с открытым заявлением:

„Мы до сих пор не понимали того зла, которое мы производили, не выходя на работу или опаздывая. Наше легкомысленное отношение стоило заводу полтора миллиона рублей. Мы решили сознательно относиться к производству и начать борьбу с прогулами следующими мерами:

1. Личным примером показать, как надо относиться к производству.“

2. Создать инициативные группы по выявлению злостных прогульщиков из молодых и взрослых рабочих.“

3. Мы призываем всех прогульщиков последовать нашему примеру и через газету открыто заявить о желании содействовать работе нашей инициативной группы по выявлению прогулов.“

Первая ударная мастерская возникла в Ленинграде. Ударники показали пример коммунистической дисциплины труда. За Ленинградом — Урал. Златоустинцы не знали об

ударниках с „Треугольника“. Здесь были свои энтузиасты: Вася Прокопьев, Ваня Казачук, Коля Поскребышев, Федя Кутузов. Они объединились в бригаду и объявили войну браку, прогулам, небрежной работе.

15 ноября 1927 года девять ударников стали у станков выделывать ударные то-

поры. Старички грозили молодым топорами, но девять не отступили. Час за часом, день за днем, спальные круговой порукой, они наступали на дедовские обычаи и пятью тысячами топоров показали заводу чистоту ударной работы.

Первая ударная бригада на „Красном Треугольнике“

За месяц старички дали 17.546 топоров, ударники — 21.098.

Старички сдались.

Лысьвенский металлзавод.

... В утреннюю смену 7 октября 1928 года тридцать восемь молодых ударников стали у 11 „горшков“. „Горшок“ — набор инструментов и машины для лужения; им боялись доверить, но ударники дали расписку, что не сдрейфят, брак задавят. К концу недели они выработали и приняли единогласно суровый устав:

„У с т а в“

ударной смены металлургического завода, лужильного цеха, проводимый в жизнь с 15/X 1928 г. Задачи бригадников:

1. Вся молодежь ударной смены должна быть примерная на производстве, а также и в организации.
2. В особенности быть примерным плательщиком членских взносов во все союзы, ВКП (б), ВЛКСМ, а также в добровольные общества.
3. Молодежь должна быть культурной на производстве, дома и в клубе.
4. Артели „горшков“ должны следить за чистотой, наружной и внутренней, „горшка“ и за чистилькой, за поддувалом.
5. Ударные смены должны бороться за повышение прокатки и точно учитывать пороки лужения жести, а в особенности пойти на понижение брака.
6. Необходимо всем быть раборками стенгазеты и продвигать в жизнь самокритику.
7. Молодежь ударной смены должна быть экономной, не перегревать металл и масло, и осторожно снимать скраф, и шестеренки не заправлять грязным маслом.
8. Необходимо вести борьбу за понижение себестоимости через посредство экономии металла, масла и алебаstra и правильного использования рабочей силы.
9. Повести борьбу с недостатками производства и быть аккуратным посетителем всех собраний и совещаний, и активно участвовать в повседневной общественной работе.
10. Очистку „горшков“ повести по всем сменам.“

За месяц смена взрослых дала 7.726 листов.

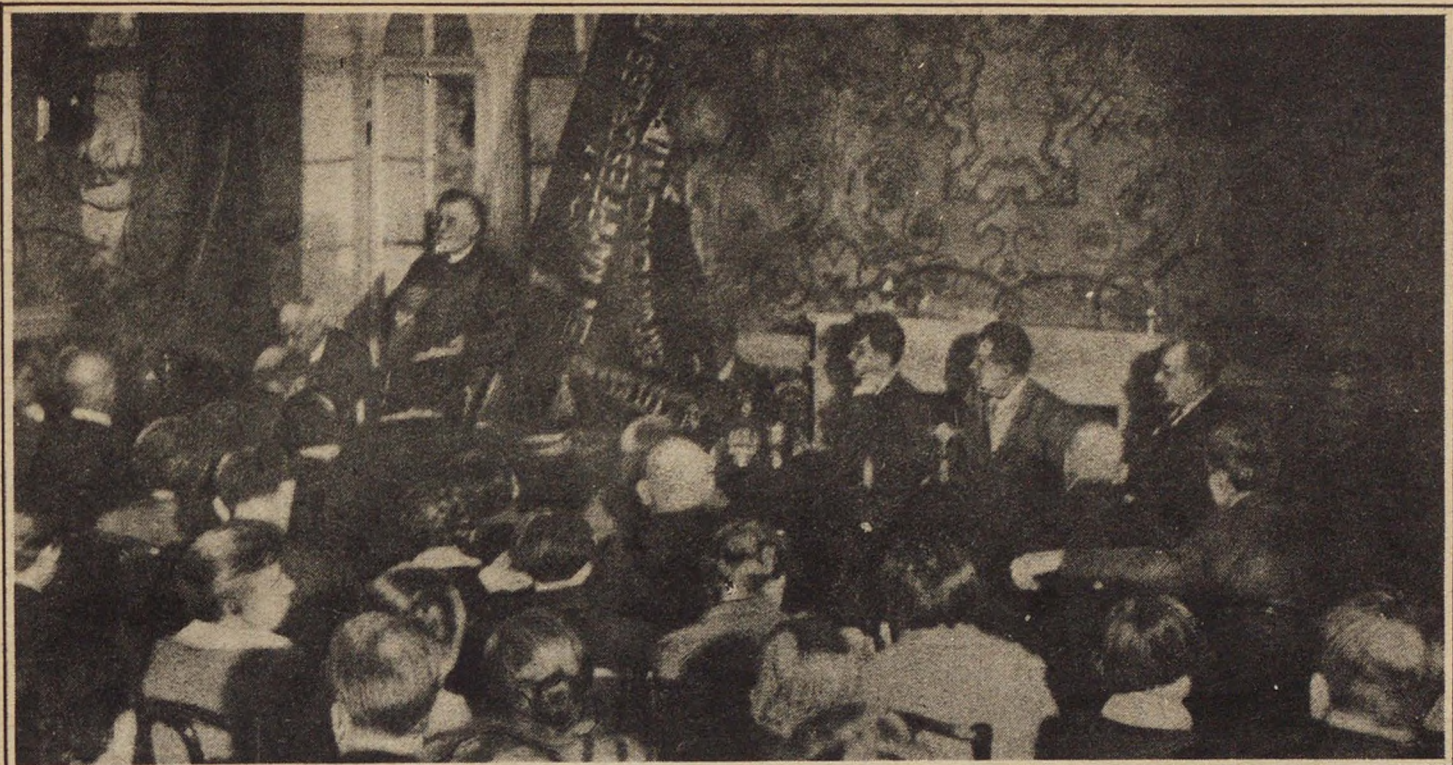
Ударники — 3.391 лист.

Прогулов не было. И только когда два ударника дважды не вышли на работу, на листе черной жести забелело:

Черная доска.

Кто у нас прогульщики — так это Сережа Ширинкин и Беляев.

Доску больше не вывешивали. Это был последний прогул.

В 1894 г. был создан Московский рабочий союз, объединивший коммунистически настроенных рабочих Москвы. На днях в клубе О-ва старых большевиков состоялось празднование тридцатипятилетнего юбилея, на котором присутствовали бывшие участники Московского рабочего союза — гг. Седой—Литвин, Миккевич, Випокров, Владимирский, Бонч-Бруевич, А. И. Ульянова, Мишин, С. И. Муралов, Лядов-Мандельштам, Карпунин, Карпузи, Шенелев, И. М. Смирнов, Лаушин, Лавров, Нимчинов, Бобров, Величкин и Ястребов.

Фот. В. Фяшера.

Замдиректора Лысьвенского завода тов. Мельников, ранее утверждавший, что от бригад толку мало будет, теперь признает:

— Когда создавали бригаду на заводе, — вспоминает он, — я говорил, что ничего не выйдет, но я здорово тогда ошибся. Хожу теперь по цехам, наблюдаю за работой бригад молодежи, и должен признать, что работают бригады лучше всех, идут впереди всех, да еще подгоняют другие смены.

На уральских заводах *сто пятидесяти ударных боевых бригад*. Они перекраивают старый Урал, Урал Строгановых и Демидовых, в советский, крепкий, как воля молодых несгибающихся ударников.

Рапорт с домны № 1

В 1919 году о коммунистических субботниках Ленин писал:

„Видимо, это только еще начало, но это начало необыкновенно большой важности, это начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это победа над собственной косностью, распушенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину.“

Ударники — смелый почин комсомольцев, рабочей молодежи. Это „люди с твердыми ногами, с литыми мускулами, идущие к раз поставленной цели“, бросившие вызов косности, российской обломовщине. Они — подлинные хозяева производства. Как в годы гражданской войны, когда на передовую линию огня бросали красных курсантов, коммунистические отряды, — так и теперь на труднейшие участки производства перебрасывают ударников.

Домну № 1 на керченском заводе им. Войкова можно было пустить в ход только после очистки туннеля. Первая группа рабочих, посланная на туннель, вскоре сбежала. Темный и душный туннель в 1 1/2 метра вышины заставлял людей ползти на руках и коленях. Затхлый воздух дурма-

нил голову; люди, словно очумелые, ползли к выходу и, выплевывая черную, едкую слюну, отказывались идти обратно в туннель.

Удрала первая партия рабочих. Удрала вторая. Домну надо было во что бы то ни стало пустить.

25 февраля в туннель пошла *первая ударная бригада* молодежи стройцеха.

Бригада вошла в туннель. Через несколько метров попали в воду. Молча ударники продвигались вперед, очищая метр за метром. Несколько беспартийных сбежало. Они выскочили из туннеля и, очумелые от тяжелого воздуха, закричали: — Могила! Жизнь загубить легко...

Остались в туннеле комсомольцы: Гасенов, Демидов, Карамзин, Колесов, Шайдук, Алиев, Коршак, Джулай, Шляков, Шиповский, Дорошенко, Захарчук и трое беспартийных: Голкач, Степанюк и Руденко.

15 ударников удалялись от выхода, от неба, от свежего воздуха и по колени в грязи и воде продвигались по туннелю. Утром третьего дня они рапортом дали знать о себе:

Рапорт ударников строителей

В бюро коллектива КСМ.

Первая ударная бригада стройцеха приступила к очистке доменных туннелей от грязи, а также разбивке и вывозке шлака и т. д. Работу начали с 25 февраля. Работаем в воде. Выданные сапоги оказались скверного качества — пропускают воду. Кроме того, каждые пять минут в туннель выпускают отработанный пар из котла кузнечного цеха, и тогда не видишь рядом работающих товарищей. Завтра собираемся все на конечный участок туннеля. Вызываем организовать ударные бригады все цеха.

С комприветом А. Карамзин

4 марта, на 6 дней раньше поставленного срока, пятнадцать ударников очистили туннель, пробившись сквозь шлак, грязь, отработанный пар и вечную в туннеле ночь,

Домна будет пущена в ход. Туннель очищен.

Приказ № 335

Ленинград. Десятки ударных бригад.

Фабрика „Равенство“; полгода работают ударные комплекты молодежи. По постановлению общего собрания рабочих, *вся фабрика переходит на ударные методы работы*.

Москва. Первые ударные бригады на „Каучуке“, заводе „Борец“, заводе ГЭТ, фабрике им. Ногина.

Завод ГЭТ. Заявление ударной бригады — сборщиков трансформаторного отдела. „Перед лицом всех рабочих завода даем обещание не делать ни одного прогула, не опаздывать на работу ни на одну минуту. Максимально уплотним свой рабочий день и просим ГЭТ снизить у нас расценки на 5 процентов“.

Приказом № 335 Высший совет народного хозяйства узаконил ударные бригады, отметил их самоотверженную работу:

„Опыт работы означенных бригад показал, что они действительно способствуют улучшению и ускорению производственных процессов, снижению себестоимости, уплотнению рабочего дня и разрешению других важных хозяйственных задач“.

Рожденные инициативой комсомола ударные бригады растут и множатся, не сворачивают с пути, усеянного камнями, щебнем и грязью. Знамя ударных бригад — ленинская клизма:

„Мы даем друг другу торжественное твердое обещание, что мы готовы на всякие жертвы, что мы устоим и выдержим в этой самой трудной борьбе“.

17 сентября 1926 года в Ленинграде, в мастерской „Треугольника“, приступила к работе *первая* ударная мастерская. В 1929 году сотни ударных бригад молодежи показывают пример коммунистической дисциплины труда.

Бор. Галин

ИЗНАНКА СТАТУИ СВОБОДЫ

Из путевых записок Энона Эрвина Кнша *

1. Перед вратами рая

Наш друг Беккер—особа, с американской точки зрения, весьма подозрительная. Ему уже трижды отказывали в визе на въезд. Первый раз это вызывалось русскими отметками на его паспорте и потребовало длительных и безрезультатных справок в департаменте печати. Во второй раз, когда ходатайство о визе возбуждалось уже в другом городе и по другому паспорту, — никаких департаментских справок не потребовалось, и д-ру Беккеру сразу заявили, он-де на вечные времена лишил себя права вступить на божественную почву Америки: ибо он публично подчеркивал, что Сакко и Ванцетти пали жертвой самого варварского юридического убийства. И в третий раз, когда д-р Беккер считал свою вину поросшей былью, — дело обернулось точно таким же образом.

...И сейчас, дав консулу подписку в том, что он всецело признает американскую конституцию, а методы насильственного свержения правительств отвергает, что он не является ни анархистом, ни коммунистом, — д-р Беккер далеко не был уверен в том, что ему дадут сойти с парохода беспрепятственно. Разговоры соседей по столу обнаруживали аналогичные опасения: то американское министерство труда требовало — немедленно по приезде — залога в 500 долларов, дабы гарантировать страну от новых предложений рабочей силы; то просто отказывался от своего поручительства тот американский гражданин, на которого в своем ходатайстве ссылался въезжающий. Д-р Беккер выслушивал все это без удовольствия; особенно же ему не нравились частые появления некоего широкоплечего молодого человека в роговых очках, беспрепятственно проходившего через самые запретные двери парохода. Тот, правда, подчеркивал, что едет в Америку впервые, но все старался втянуть д-ра Беккера в политический разговор.

...В соседней каюте был накрыт стол для детей. И рядом, за отдельным столиком, в одиночестве питался негр — уже пожилой, видимо образованный человек в очках. Европейцы дивились этому и узнавали, что до сих пор «настоящий» американец не сядет за один стол с «цветным» человеком. Американцы на это удивление решительно отвечали: «Вы перемените свое мнение о неграх, когда поживете в Америке пару недель».

...Вечереет. Нас приветствуют мигал плоучие и оседлые маяки. К нам подходит катер с казенным врачом, который пропускает мимо себя всех пассажиров, измеряя им пульс. В половине седьмого закрывается бар, и многие спешат нагрузить свои чемоданы как можно большим количеством виски... Мы плывем мимо Кроличьего и Государственного островов; еще внуши-

тельное, чем маяки, мигают рекламы жевательной резины — «Ригли здесь, Ригли там, Ригли всюду».

Сбоку — статуя, «освещающая весь мир», Свободы. Мы ее сначала видим в профиль, с далеко распростертой и держащей факел рукою; ее корпус, освещаемый снизу, тщательно закрыт складками мантии. Она стоит на острове Бедло, и к ее подножию не так давно съезжалась весь Нью-Йорк, чтобы полюбоваться чьим-нибудь повешением. Теперь виселицу убрали, электрический стул

верхушка здания Вульворта, с двумя сапфирами «Стандарт Ойла», с рубином «Эквитабль-треста». И над этими драгоценностями болтается черный бриллиант, вышка знаменитого «Телефонного дома».

...Внизу стоят сотни людей, машут шляпами, платками и кричат. С нашего британского парохода на американскую землю опущено только двое сходят: один для пассажиров первого класса, другие — для багажа пассажиров первого класса. Мы же должны провести на борту еще ночь — плохую ночь. Выясняется, что грохот бушующей машины имел свои преимущества; сейчас, когда она стоит, слышен не только храп соседей по каюте, но шорохи и шумы из всех прилегающих кают.

С шести утра до следующего вечера продолжается процедура проверки паспортов и личного опроса. Д-ру Беккеру, ответившему, что он — писатель, задают вопрос, что он, в сущности, пишет. — «Повести и романы». — «А на политические темы пишете?» — «Нет, ни в каком случае» — отвечает он смело. И после этого ему разрешают сойти вниз, где трое товарищей встречают его обшлагоанным приветствием.

2. Канун и день президентских выборов

Джимми Уокер, мэр и первый щеголь Нью-Йорка (одеждой в «государстве равенства» столь же необходимо выделяться, как в какой-нибудь германской студенческой корпорации), Джимми Уокер стоит на Таймс-сквере и держит речь в пользу демократического кандидата Эль Смита; голос мэра далеко разносится по площади, его жесты выразительны, его фразы красиво закруглены. Конные полицейские поддерживают порядок, ибо сюда стекаются тысячи, желающие видеть оратора, слушать его речь, оживлять или прерывать ее репликами.

Джимми Уокер не реагирует ни на это вмешательство, ни на успех: он говорит свою речь; а закончив, начинает ее сначала, — все тем же громким голосом, с теми же выразительными жестами и при помощи тех же красиво округляющихся фраз. Это он делает целую ночь, не уставая, ибо не он лично выступает на Таймс-сквере, а олицетворяет свою идею; его снимают, его «витафонируют»; лицо его, как и голос, разносится далеко за пределы Таймс-сквера.

Днем демократический кандидат парадит по городу. Сначала едут полицейские на мотоциклетах, затем конная полиция, затем два пустых автобуса, на крыше которых сидит и играет оркестр, затем — автобусы, на которых стоят джентльмены прессы и джентльмены филмы со своими аппаратами. И за ними — открытый автомобиль с высоким сиденьем, на котором, как на троне, возвышается кандидат Эль Смит. На нем светлого-коричневый «дерби» — котелок, сделавший его таким популярным и сделавший им столь популярным, что светлокоричневыми шляпами этого фасона переполнены все витрины. Смит кивает то

Остров Бедло и статуя Свободы

стоит в Синг-Синге, и статуя Свободы осталась одинокой.

...Вечерняя, поздняя встреча с небоскребами не подавляет; она лишь гипнотизирует. Кажется, что все эти 40-и 50-этажные дома сливаются в одну сплошную глыбу, в мистическую гору Монсальват с уступчатыми скалами и горящими сторожевыми башнями... Мы едем вверх по Гудзону, мимо 50 вышительных гаваней, являющихся лишь пристанями гавани Нью-Йорк. Нам пересекают водный путь длинные железнодорожные вагоны. Они едут по воде! Это — ящикообразные гигантские паромы, вмещающие по 2.000 пассажиров, не считая грузовиков и легковых машин...

Над нами разыгрывается настоящая огненная битва: рекламу зубной пасты вытесняют огни зубного порошка, жевательная резина борется с кондитерскими изделиями, папирсы разных сортов изнемогают в междоусобной войне. Иллюминированный Бруклинский мост ожерельем соединяет берега этого огненного рекламного пролива. Посреди ожерелья горящий бриллиант —

* Рассказ о своем путешествии в Америку Э. Э. Кнш ведет всюду от имени своего вымышленного двойника, д-ра Беккера.

Таймс-сквер—ночь

правой, то левой рукой и проезжает мимо, невзирая ни на энтузиазм, ни на свистки толпы. За ним—свита оплачиваемых и неоплачиваемых выборщиков с большими плакатами.

Пятидесятиэтажные, тысячеоконные пирамиды домов с их плоскими крышами и башнями усеяны людьми, которые счастливы оторваться на несколько минут от прилавка, от счетной машины, от рабочего стола, дабы взглянуть на улицу, покричать и сбросить вниз свои удивительные, чисто-американские бумажные змеи,—удивительное, чисто-американское конфетти. Этот серпантин сделан из бесконечных лент обоих телеграфных аппаратов, что стоят почти в каждой конторе и сообщают биржевой курс и хозяйственные новости. Конфетти же сделано из прошлогодних телефонных книг города Нью-Йорка, которые в разрез с правилами — не возвращаются телефонной компании, а сохраняются, чтобы их можно было — при встрече пловца через канал, океанского летчика или, в лучшем случае, кандидата в президенты — искромсать на конфетти и полными пригоршнями сбрасывать вниз...

...В Гарлеме, квартале негров, вечером гремит парад в честь Гувера, «члена той же партии, что и Авраам Линкольн». (Это хорошая реклама, ибо «освободитель рабов» Линкольн—здесь священная особа). По центральной негритянской Авеню, мимо сотни

кино, залов звуковых картин, «спикизбаров» (бары для уютных бесед) — прокатывается шествие из кричащих разукрашенных автомобилей, в глубине которых сидят элегантные негритянские дамы и господа и на чьих ступеньках бедные черные черти машут знаменами и режут; «Голосуйте за Гувера, голосуйте за Гувера!» Между легковыми машинами—грузовик с оркестром, и, что замечательно, оркестром без саксофонов, без банджо, без одного джазбандного инструмента, а оркестром, вооруженным скрипками, трубами, виолончелями, при чем негры приглашают играть на этих «белых» инструментах только белых...

...Претенденты на президентство говорят в каждом доме. По радио. Речь Гувера продолжается целый час, после него так же долго передается речь Смита из другого города. Каждый возглас, каждый аплодисмент и свисток слышны в осеннем радиоблагодатье доме. Если шум после какой-нибудь фразы продолжается слишком долго, то раздаются призыв кандидата: «Друзья, не будем терять радио-время на такие знаки внимания». Он прав. Радио-время дорого, тридцать тысяч долларов стоит один час. И ежевечерне говорят не только кандидаты, но и друзья, за них агитирующие.

...Сегодня, сегодня—священный избирательный день, и в городе царит тишина современной битвы. Все идет к урне, вернее — к машине для голосования, каких в каждом квартале три или четыре. Инструктора обеих партий, которых можно отличить по значкам, ходят вдоль избирательских очередей с моделью машины и объясняют каждому, как сделать, чтобы выбрать своих кандидатов (кандидатов—в множественном числе; выбирается не только президент, но и вице-президент, губернатор, сенатор, председатель суда, прокурор и член конгресса). Когда доходит очередь до избирателя и когда его бумаги проверены, он

входит в нишу и нажимает рычаг, чтобы его действия никто не видел, чтобы за ним опустился занавес. Отделенный от всего мира, он может осуществить право свободного американского гражданина—нажать все семь кнопок. И уйти домой. Все происходит бесшумно.

...Шум начинается вечером. Таймс-сквер, этот отрог Бродвея, бешено живущий и в нормальный вечер, сегодня вмещает в себя сотни тысяч чающих результатов. Каждое сообщение, вспыхивающее на восьмом этаже здания «Нью-Йорк Таймс», вызывает рев и передается вдоль уличных углов длинной людской очереди...

Ровно в 12,01 ночи все было кончено, ибо пламенными буквами загорелось на высотах «Таймса» сообщение из штата Оклахома: «Гувер только что получил большинство в Миссури, завоевав 62-го выборщика». И так как избирательное собрание состоит из 531 человека, сообщение из оклахомской глуши означало решительную победу.

— Что же это означает? — спросил д-р Беккер одного из соседей на Таймс-сквере, что по существу значит избрание Смита или Гувера?

— О, это ничего не изменяет: такой же эффект, как если бы вместо Демпси мировым чемпионом бокса сделался Тенней.

Перевел Г. Геронский

Агитатор, загримированный под Авраама Линкольна, призывает голосовать за Гувера

Джимми Уокер

САДЫ В ЦВЕТУ

Рассказ Веры Нибер Иллюстрации Евг. Мана

История этого места, будь она написана, была бы многотомна и печальна. Она повествовала бы о том, как с незапамятных времен на окраине Москвы лежал злостный, окаленный дустырь, один из тех, над которым даже птица не летит: так противно ей смотреть на безотрадное место. Как накоплялись на том пустыре мусорные сугробы, как при луне рыбьим глазом блесст там осколок водочной бутылки, какая ржавая жесь там лежала, какая бугристая и рябая была там земля. Даже весной не умела она сродить ни одной настоящей травинки, и только лошадиный щавель, выдираясь из почвы, приподымал мусорные пласты: так он был силен.

После долгих лет пустыря выстроили на пустыре народный дом. Он сгорел. Начали строить церковь. Она обвалилась. Кирпичный остоу укрепили и стали обстраивать: должна была быть богадельня. Она сгорела и обвалилась. С тех пор еще диче, еще глуше стал пустырь.

А город подходил все ближе, все явственнее звенели трамваи, закружил аэроплан, тяжело задышал автобус, подымался в гору. И наконец тонкая, серо-голубая, острая, как штык, радио-мачта пронзила небо.

Тогда-то и уже окончательно был взят в штаны упорный пустырь. Шли бои из-за каждого метра. Многолетние корни конского щавеля трясли бородами, тыкали ветвистыми пальцами: норовили ухватить за одежду. Диким голосом скрежетала жесь, так что даже десятник Яков Овцын, опершись на лопату, сказал:

— Ну, что ты скажешь, какая задала местность! — И вытер пот.

Наконец-то был побежден пустырь. И птицы, лети прямым путем по своим делам, видели сверху большой, светлый, многоглазый кооперативный дом с прекрасной антенной, с плоской крышей, с мусорожигателем и детской площадкой.

Но можно говорить, что уродно. Можно не верить в сны и предсказания, можно быть безбожником-активистом, быть даже членом партии с семнадцатого года, но

нельзя отрицать того, что так называемые „гении места“ существуют.

Древние римляне понимали это буквально. В их представлении сады, фонтаны, лабница, дороги и ручьи охранялись мифическими существами, то доброжелательными, то враждебными человеку. Иногда случалось, что хрустально-чистая доселе вода потока окрашивалась цветом желчи и пенла. Это покровитель источника гневался на юных римлян за то, что они в часы воскресных прогулок бросали в воду обрывки „Вечерки“ и пустые консервные коробки. И юные римляне, утратив свойственную им самоуверенность, в страхе видели тогда туманную седую бороду в прибрежной осоке и слышали сердитое старческое бормотанье.

Еще случалось, что прохожий ротозей, срывая для забавы ветку яблони, бывал наказан метким ударом незрелого яблока в лоб. И тогда в густой взволнованной листве, как рыба в воде, мелькала светлое бедро нимфы и слышался злой смех.

В наше время мы не столь наивны. „Гения места“ мы не понимаем столь буквально. У него нет человеческого облика, у него нет бороды и нет бедра. Он не смеется и не бормочет. Но, хотя и более абстрактно, он все же существует.

Иначе, как можно было бы объяснить тот странный факт, что кооперативный дом, выросший на пустыре, упорно отказывался пользоваться мусорожигателем и сбрасывал свои отбросы в угол двора, на детскую площадку.

Кооперативный дом, этот сложный многоклеточный организм, не желал слушаться голоса рассудка, повелевающего сжигать свои отбросы в превосходном, специально оборудованном приспособлении. Кооперативный дом повиновался темному, извильному инстинкту времен церкви и богадельни, даже еще более раннему, когда не было ни церкви, ни богадельни. Этот инстинкт нашептывал дому смутные речи, толкал его на безумные поступки, толкал его в угол двора, на детскую площадку. Это и был „гений“ бывшего пустыря, гнилой и злобный гений, о котором не хочется даже думать.

Управдом Завилейкин был поэт. Никто не знал об этом, и он сам меньше других. Но у него были неясные порывы, головокружительные планы. У него был драгоценный дар, тот самый, о котором твердят критики нашим писателям: он умел мыслить образами. Он мечтал о теннисе на крыше, и это видение сводило его с ума своей яркостью.

В мечтах он видел: наверху, на плоской крыше дома, обведенной сеткой, чудесно уменьшенным расстоянием, белые на синем фигурки играющих, их мячи, их ракеты в небе, как соты, полные синевы.

Но обладая свойством образно мыслить, Завилейкин не умел говорить. Пожалуй, на ряду с поэтической душой он был наггражден и высоким косноязычием поэта, когда слова жгут уста и все же остаются несканзанными.

Управдом выражался чрезвычайно прозаически, — и бы сказала даже, шершаво. Застенчивая улыбка была единственным украшением его скудных, непышных речей: так иногда суровую шипу коммунара украшает полевой цветок.

На собраниях жильцов он говорил о мусорожигании. Вокруг сидели его враги.

Прямо перед ним сидел научный работник Грабец, — тихий и вежливый человек, почти дух. Он был холост, бесплотен, он работал в обсерватории и не

...Управдом Завилейкин был поэт

обедал дома. У него не было никакого мусора, и ему нечего было сжигать.

— Товарищ Завилейкин, — шелестел научный работник Грабец, — требует от нас того-то и того-то. Только потому, что мы живем под одной крышей, он хочет пивелировать нас. Он требует от нас единообразных действий. Во имя среднего арифметического, именуемого коллективом, он хочет уничтожить наши индивидуальные особенности, в то время как только они одни отличают одну человеческую особь от другой. Вы не правы, товарищ Завилейкин. Дайте людям возможность сбрасывать свой мусор там, где им этого хочется. Если бы финикийцы в древности были так аккуратны, как вы нам это предлагаете, и хранили бы свою селитру в особых селитрохранилищах, вместо того, чтобы небрежно бросать ее в песок, открытие стекла запоздало бы на несколько веков. Дайте людям право свободных действий. Дайте им возможность дышать.

Напрасно возражал Завилейкин: — Как же это так? Бросают на детскую площадку, а потом хотят дышать! Чем же дышать, если мусор? Там, наоборот, должен находиться песок для нашего молодняка. Наш молодняк пуждается в песке. Косточки там у них слабые, ножки. Справьтесь в Наркомздраве. Он постановил, чтобы не было болезней. Про финикийцев я мало что знаю. Что я могу о них сказать! Ну, работающий был народ, ну, сознательный. Но древний, вот беда. Что он мог знать, этот народ? Что читал? Что видел?

Завилейкин был почти красноречив, но он не убеждал никого.

Тогда управдом замкнулся в себе. Он сделался тверд и сосредоточен. Он решил не сдавать позиций. Дать бой, если это нужно. Быть дипломатом, если это нужно.

...Перед ним сидел научный работник Грабец...

Он выбрал день, когда предвесенний воздух был тих, и крупные, мохнатые звезды снега летали, как пчелы. В такие дни находит на молодняк искрометное буйство, прекрасное упорство. Он не хочет уходить в глущь дома и губить там свою молодую жизнь. Он хочет остаться здесь, в этом веселом снегу, который создан для счастья. Он хочет развозить на тачках и набирать лопаткой веселый снег, который на самом деле всего только мусор, слегка посыленный морозом.

— Братишки, — воскликнул управдом, внезапно появившись во дворе. — Сюда, товарищи. Имею до вас дело. Все ли здесь?

— Все, — ответил хор голосов.

— Братишки! Что мы видим перед собой? Мы видим перед собой место, где бесспорно должен быть сад. Мы посадим деревья у скамьи, а также и на площадке. Каждый из нас посадит дерево. В будущем вся земля будет садофицирована. Кто же этого не знает? Мы посадим, к примеру сказать, березу, осину, дуб молодой, липу, яблоню...

— Я против липы, — сказал Миша Толкунов из двенадцати восьмой. — Под липой никакой гриб не водится. Кто же этого не знает! А яблоню хорошо...

Завилейкин не был демагогом, но он уступил липу. В такой час не спорят. Он продолжал:

— Каждый из нас, придя домой, должен сказать: „Я хочу сад“. Тогда родители дадут монету, восемьдесят копеек с квартиры, и скалькулировал. Мы сами вскопаем землю, когда стает снег, и приступим к древонасаждению. Все будет хорошо. Все должно знать свое место. Мусор необходимо сжигать, во дворе будет сад, теннис пойдет на крышу, а селитра ляжет на складе. Понятно, братишки?

— Понятно, — ответили „братишки“. Все они хотели сад.

Но товарищ Грабец не сдался так скоро. Не то, чтобы он возражал против сада, — он не возражал даже против мусоросжигателя, как такового. Но он был против усиления завилейкинского влияния. Он тоже собрал молодняк и тоже произнес речь. Его задача состояла в том, чтобы отвлечь молодые головы от идеи сада во дворе, повернуть их, так сказать, в другую сторону. Распылить земную энергию в звездном пространстве.

Ребячьи головы окружили Грабца. Они дышали взволнованно: две интересные истории в один день — это бывает не часто. Грабец начал:

Он рассказал им об одном недавно открытом „созвездии Леденца“, специально приспособленном для детей:

„Представьте себе десять небольших звезд, у которых есть свое собственное, тоже небольшое солнце, полное птиц. Когда солнце встает, все слышат далекое шепетание.

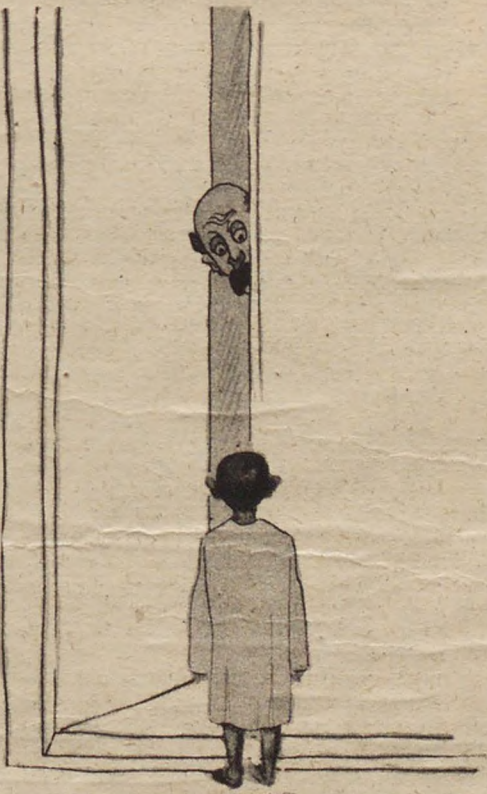
„От звезды к звезде летает звездный трамвай с сетками на окнах, чтобы дети не падали вниз.

„На каждой звезде расположен один только город. В нем стеклянные дома, прозрачные, как стакан: возле каждого дома есть сад. Но какой“...

— Какой? — единым вздохом спросила ребячья толпа.

...— Братишки, — воскликнул управдом...

— Так это ты? — сказал туманным голосом Грабец...

— По-моему, сад очень хорош. На низких, удобных деревьях, как яблоки, зреют там резиновые мячи. Одна сторона у них — та, что повернута к солнцу — розовая. Другая — та, что в тени — голубая.

— Небось, нельзя врать-то? — жадно спросили из толпы.

— Каждый может нарвать себе полную шапку спелых мячей. Для этого они и растут. Но это еще не все.

— А что же еще?

— Главное то, что всеми городами управляют дети не старше десяти лет. Они заведуют всеми делами, они командуют взрослыми. И вечером, в восемь часов, они отсылают их спать. Вот что такое созвездие Леденца.

Товарищ Грабец коварно замолчал: ядовитое жало вонзилось достаточно далеко.

— Послушайте, — сказал Миша Толкунов, самый старший из всех. Ему недавно исполнилось семь лет и, ясное дело, он метил в правители города.

— Послушайте, как бы нам это туда залететь. Нам, вот всем. Всем двором. Можно это? Мы все согласны.

— Собственно говоря, можно, — невинно ответил Грабец. — Но для этого кое-что нужно. Для этого нужно думать только об этом. Только об этом, и ни о чем другом... Иногда особым образом это становится известным на созвездии Леденца. И ночью, когда все спит, прилетает оттуда аэроплан, сам сный, как ночь. Вместо пропеллера жужжит и сверкает у него большая звезда. Он забирает всех, кто думал о нем. И тогда...

Товарищ Грабец умолк. И все молчали. Сада больше не существовало.

Поздно вечером после заседания мощный радио-приемник Грабца уловил концерт из Варшавы. Это был Григ, северная весна, нежная, как олений глаз, гуль-гуль, бормотание сонной тагары и теплый звездопад над уснувшей бухтой.

Постепенно комната Грабца затонула в тумане: от нее осталось только окно, висящее во вселенной, осыпанное Млечным Путем. Дрожание эфира в пространстве. Жужжание звезды. Быть может, профиль крыла за окном. Никакой земли. Да и зачем!

Внезапно во все это звездное плетение, словно камень в паутину, ворвался звонок. Миша Толкунов пришел с верхней площадки и позвонил очень сильно, как, вероятно, не посмел бы сделать этого днем.

Он, очевидно, уже спал и проснулся. Он выскочил прямо из постели — в ночной рубашке и босой.

— Так это ты? — сказал туманным голосом Грабец. — Прекрасно. Значит, летим?

— А как же! Обязательно. Я за этим и пришел. Только вот ведь что: нам ведь скоро обратно надо. Когда стает снег. Сад сажать. Пустят нас оттуда, или как? Я за этим и пришел.

И в ожидании ответа Миша вздохнул полной грудью, как будто цветущая яблоня будущего сада выросла здесь же, на лестнице.

ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Фот. А. Шайхета

„Кроме резерва арсеналов технической реконструкции, с которым мы подходим к задаче нашего хозяйственного строительства в грядущем пятилетии, мы имеем еще свои специальные резервы, резервы того нового социального строя, который еще только пробивает свой путь.“

Г. Кржижановский

Социалистическое хозяйство, это — хозяйство плановое, направляемое и руководимое пролетариатом в интересах трудящихся масс.

По этому пути направил нашу хозяйственную работу тов. Ленин. Он поручил лучшим специалистам, ставшим на сторону пролетариата, разработать план развития нашего народного хозяйства на базе новой техники и на новой базе общественных орудий производства.

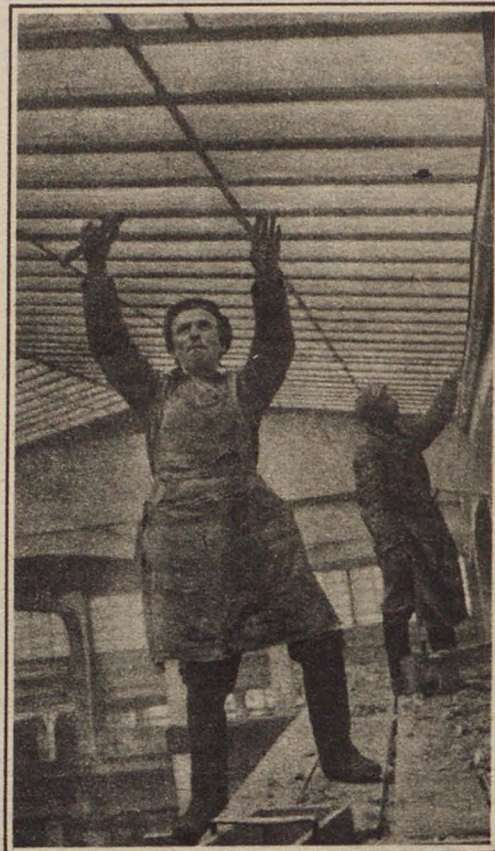
Этот план, известный под именем Гозлро, он в своем докладе на VIII съезде назвал второй программой нашей партии. Он имеет своим ведущим звеном электрификацию и во многом в настоящее время уже выполнен.

Дальнейшая плановая работа, руководимая тов. Г. М. Кржижановским, ведется в Госплане, куда составители Гозлро вошли, как основные руководящие работники. Они внесли в план Гозлро необходимые коррективы, расширили его и за эти годы и, основываясь на плановой работе мест, сумели, с одной стороны, расширить базу плановой работы, и с другой — постепенно охватить все народное хозяйство страны.

Госплан работает по директивам нашей партии и правительства. Пятилетний план, это — выполнение директив нашего XV съезда. Ни так называемые левые, ни правые уклоны не отклонили нашу пролетарскую партию и правительство пролетарской диктатуры на свои ложные пути. Плановое хозяйство, в первую очередь, характеризуется отрегулированным, очень устойчивым темпом огромной машины, который также невозможно колебать, как невозможно колебать обороты турбины, дизеля, работу любой современной силовой централи.

Новый план народного хозяйства вводится сейчас в жизнь. Он получил общенародное более простое название „пятилетки“, т. е. составлен на пять лет. В его разработке приняли участие все. Это труд всех активных творческих сил страны, сведенный в Госплане. Сейчас этот сведенный труд пойдет по стране, он будет обсуждаться всеми трудящимися, он будет потом дорабатываться на основании сделанных указаний.

Плановое хозяйство характеризуется двумя моментами. Оно ведется и развивается не на основе конкуренции предприятий стран, областей, — конкуренции, имеющей целью взаимное

Новые цеха. Завод „Красный Пролетарий“ в Москве

истребление, а на основе здорового соревнования, сотрудничества и разделения труда.

На этом общем принципе можно было бы все же работать без плана. При бесплановой работе никто не знает, что он будет делать через час, даже через минуту. Одни распоряжаются по системе секундного командования, другие исполняют эти приказы в ту же секунду, не вводя в их критику, разбор, улучшения. Так идет дело в буржуазном хозяйстве, и если счет времени производится в секундах, то все обстоит благополучно. Так идет

дело на войне, но на войне система секундного командования является лишь видимой. За ней в глубокой тайне работает главный штаб, составляющий план военных действий, предвидящий и создающий весь ход этих действий, иногда рассчитанный на долгий срок.

Таким главным штабом нашего народного хозяйства является Госплан, не существующий и невозможный ни в одной буржуазной стране. Его полемными штабами являются Госпланы наших областей, республик и т. д. Их работа, совершенно открытая, известная по всей стране, заключается в следующем.

Отдельный работник, вместо нервной, беспорядочной и бессистемной работы, вместо того, чтобы утром не знать, что он будет делать днем, может сделать в своей книжечке запись того, что он сегодня будет делать в продолжение дня, и потом спокойно этот план выполнить, но он обычно не может составить такой план надолго, так как зависит не от себя, а от хода обстоятельств, которых он не знает.

Но предприятие, на котором этот человек работает, может знать, что оно будет делать, на значительно более длительный срок, часто на год вперед. Организация, ведающая этим предприятием, еще более независима, и так идет до Госплана, который на основании изучения состояния техники и экономики, имеющихся ресурсов, сделанных достижений и достигнутого темпа, может предвидеть на срок еще больший. И на этот срок, по плану этого штаба, отдает команду главнокомандующий народным хозяйством — СТО, т. е. Совет Труда и Оборона.

В начале нашей плановой работы мы могли планировать только поквартально, потом мы стали планировать на год. Сейчас у нас уже есть возможность иметь план на пять лет вперед, и уже одно это свидетельствует о больших достижениях, о слаженности нашей хозяйственной машины, о ее ясно определенной мощности и производительности.

Сам пятилетний план сводится к следующему. План имеет два варианта — минимальный и оптимальный. Он исчислен до 1932/33 г. включительно, т. е. с учетом причисленного к пятилетке уже отчасти прожитого и проконтролированного с точки зрения выполнения этой пятилетки 1928/29 года. По этому плану, мы должны за эти годы затратить на развитие народного хозяйства путем новых капитальных вложений от 56 до 64 млрд., в том числе от 13 до 16 млрд. в промышленность, от 8 до 10 млрд. на транспорт, от 2,5 до 3 млрд. на электрификацию и от 20 до 24 млрд. в сельское хозяйство. Нашу промышленность мы должны довести до такого состояния, чтобы в 1932/33 году она дала 10 млн. тонн черного металла, вместо 3,5 в этом году, 75 млн. тонн каменного угля, вместо 35, и 22 млрд. киловатт-часов электрической энергии, вместо 5, производство химических удобрений доводится до 8 млн. тонн вместо 175 тыс.

Но основными цифрами плана являются две: к концу пятилетия продукция нашего народного хозяйства должна возрасти на 100% при 40% снижении ее стоимости на продукты промышленности и только при 2—3% снижении стоимости продуктов сельского хозяйства.

Для нас важна, однако, не только абсолютная сумма увеличения товарной продукции. Важнейшее — политическое и хозяйственное значение для Союза Советов получит то обстоятельство, что сама хозяйственная связь между пролетариатом и крестьянством будет осуществляться в подавляющей своей части через общественные звенья.

Социалистический сектор нашего хозяйства получит к концу пятилетия значительный перевес над сектором частного капитала и простого товарного хозяйства. Удельный вес государственного хозяйства с примыкающим к нему хозяйством кооперативным возрастет

по капитальным вложениям с 57% до 83%, а число занятых в ней рабочих с 18% в 1927—28 г. до 30,7% в 1932/33 г. По отношению к народному доходу общественных действий сектор даст 66,3%, вместо 52,7% в данное время.

Приведем еще несколько характеризующих пятилетний план цифр. Денежные ресурсы страны испытывают большое напряжение в текущем году, когда они должны по пятилетке возрасти на 21%. В следующем году они должны возрасти по сравнению с текущим только на 18%, потом ежегодно на 12—13%. Рост номинальной зарплаты намечен в 37—40%. Сокращение безработицы — на 25%, и число промышленных рабочих будет доведено до 3,6 млн. Рост производительности труда благодаря индустриализации и рационализации должен составить 90—100%.

Культура и быт характеризуются в пятилетнем плане цифрами небольшими сравнительно с приведенными, но огромными по сравнению с теперешними. Эти расходы утраиваются.

Пятилетний план не только увеличивает наш основной капитал и снабжение страны продукцией нашей промышленности и сельского хозяйства, но и перераспределяет наш основной капитал и источники наших ресурсов. Наши производящие хлебные районы, это — Сев. Кавказ, Украина, Сибирь. Наши потребляющие районы — Центр. область, Ленинградская область, Дальний Восток, Средняя Азия. Сейчас главное снабжение идет из Украины и Сев. Кавказа. К концу пятилетия Сибирь должна дать для потребляющих районов Европейской России 60% и для средней Азии 90% всего необходимого им хлеба. Снабжение из Украины и Сев. Кавказа снижается до 20%. Остальной южный хлеб предназначается для экспорта. Значительную часть товарного хлеба должен дать развиваемый по пятилетнему плану социалистический сектор сельского хозяйства в виде крупного хозяйства зернотреста, который должен уже в 1930 году дать 550.000 тонн хлеба, а к концу пятилетия должен уже давать 2.160.000 тонн.

Также перераспределяется наша энергетическая база. Роль Донбасса еще возрастет: с 31% всей добычи угля в стране он дойдет до 37%. Но за это пятилетие должен быть развит Кузбасс, который должен занять третье место в стране. Добыча торфа должна увеличиться на 93%, и подмосковного бурого угля — на 280%.

По основным изменениям вносятся в распределение нашего основного капитала, вносятся в нашу экономическую географию. Богатая хлебом, углем и металлом Украина становится нашей промышленной Бельгией. Из всех затрат на индустриализацию Украина получит 25,7%, имея только 20% населения СССР. Текстиль до сих пор был почти целиком сосредоточен в Центр. промышлен. области, сейчас он будет развиваться в Закавказье и Средней Азии, которые должны стать индустриальными центрами для восточных стран. Кроме того, текстильная промышленность насажается в Среднем и Нижнем Поволжье, как в центре потребления, трикотажная и льняная промышленность создается в Белоруссии, где имеются кадры безработного населения, которое к этой работе легко приспособить. В Ленинградской области сейчас 95% промышленности находится в Ленинграде и только 5% во всей области. Сейчас произведен сдвиг в этом распределении, и из новых вложений на Ленинград придется 60%, а 40% затрачено на территорию области.

Самые большие перераспределения произойдут в производстве черного металла. Сейчас один южный горнопромышленный район дает в 6 раз больше металла, чем вся остальная страна. По пятилетнему плану намечены пять мощных заводов-гигантов: один — в Керчи, три — на Урале, и один — в Сибири.

Основными цифрами в этой части пятилетки являются следующие: к концу пятилетки

Центр. пром. район, занимающий сейчас первое место, будет составлять 23,5%, Украина — 26%. Удельный вес Ленинграда падает с 9% до 7%, в Средней Азии промышленность возрастет на 350%, по Казакстану — на 400%.

Пятилетний план предвидит целый ряд необходимых организационных мероприятий. Достаточно указать, что в настоящее время финансирование народного хозяйства производится из 22 источников.

Эти цифры мало говорят сами по себе, их можно оценить только сравнительно. Весь бюджет царской России только перед войной превысил миллиард в год и шел главным образом на содержание армии и аппарата. Вся довоенная промышленность можно было бы кулито за 5 млрд., приблизительно столько же стоил довоенный транспорт. Во время империалистической войны все это было изношено, во время революции и демобилизации доломано. На восстановление ушли годы труда. Сейчас перед нами период реконструкции, период, когда мы догоняем передовые индустриальные страны и когда мы надеемся их перегнать.

Составленный пятилетний план представляет собой результат двухлетнего труда огромного количества ученых и практиков. В нем сведены 28 пятилетних планов по основным отраслям и районам, но он не является законченной работой не только в том смысле, что он имеет два варианта. Мы до сих пор, при всей революционной смелости рабочего государства, имели планы очень осторожные. Действительность все время наши планы опережала, и это вызвало к жизни второй вариант. Но план вообще не является законченным и будет все время, из года в год корректироваться реальной обстановкой, с прибавлением к нему последующего года, вместо прошедшего. Он получит, поэтому, название — перспективный и ориентировочный.

В нем многое нуждается в глубокой научной проработке. На основании общей пятилетки будут в начале каждого года даваться на год так называемые контрольные

Конвейер на фабрике „Парижская Коммуна“

цифры на ближайший год. Эти контрольные цифры будут изменять цифры пятилетки в зависимости от опыта ее проведения, от ре-

Магнитный кран работает. Завод „Серп и Молот“

сурсов страны, от изменившейся конъюнктуры, от научных и технических достижений и т. д.; по ним каждая отрасль хозяйства будет прорабатывать свой годовой и обязательный план.

Целый ряд отраслей требует планирования больше чем на пятилетку. Сюда относятся постройка больших железных дорог, каналов, электростанций, и т. д. В связи со всем перечисленным пятилетка становится частью прорабатываемого большого, так называемого генерального плана, имеющего в виду приблизительно 15 лет, в продолжение которых народный доход должен удвоиться.

Рядом с планом индустриализации, рядом с развитием социалистического сектора народного хозяйства пятилетний план глубоко вспахивает и несоциалистический сектор сельского хозяйства нашей крестьянской страны и засекает его зернами социализма. План тов. Ленина выполняется на 100%, и по пятилетнему плану намечено иметь к концу пятилетки 85% кооперированного населения.

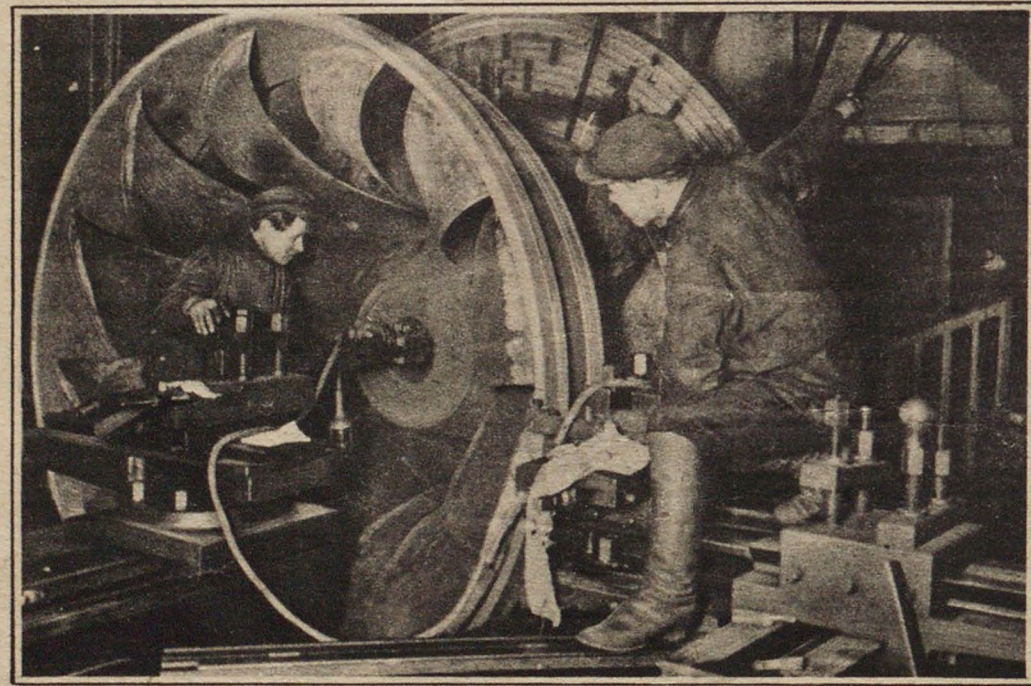
Почему в СССР темп развития народного хозяйства превосходит довоенный? Одно уменьшение вдвое военных расходов и уничтожение непроизводительного потребления буржуазии исчисляется в 2 млрд. р. в год, но нашим основным ресурсом является огромное творчество рабочих масс и их заинтересованность в росте нашего хозяйства и в поднятии благосостояния страны.

План народного хозяйства должен, конечно, включать в себе и план ее обороны. Несмотря на то, что наша социалистическая страна окружена врагами, мы не только ведем политику отказа от войны и нападений, но и фактически уменьшили вдвое нашу Красную армию по сравнению с царской. Наша военная мощь и, больше того, наша непобедимость построены на том, что в строительстве народного хозяйства нашей страны заинтересованы пролетарии всех стран, а индустриализация нашей страны поднимает не только ее благосостояние, но и ее военную мощь.

Пятилетний план уже принят всеми профсоюзами, всеми ведомствами, республиками, областями, районами, Совнаркомом, СТО и партийными органами.

Куда ведет пятилетка? Куда ведет нас генеральный план? Куда ведет нас плановое хозяйство? Она ведет нас к благосостоянию трудящихся, к укреплению союза рабочих и крестьян, к социализму, к тому состоянию народного хозяйства, когда каждый будет работать по способностям и получать по потребностям.

Я. Шатуновский

Обточка турбинного вала на заводе „Красная Пресня“

ЭТИЧНО ЛИ БЫТЬ ОХОТНИКОМ?

Напечатанный в „Огоньке“ (№ 12, 1929 г.) очерк М. М. Пришвина „Медведи“ со снимками нашего сотрудника А. Шайхета вызвал любопытный литературный спор о моральном оправдании охоты. Печатаемая ниже в дискуссионном порядке письмо литературного критика Д. Л. Талыникова и ответ М. М. Пришвина, редакция в дальнейшем приведет мнения по затронутому вопросу и других литературных и общественных деятелей.

М. М. ПРИШВИНУ

(Открытое письмо)

Дорогой Михаил Михайлович.

Помните, мы однажды весь вечер проговорили о жестокости охоты и все попрекали Вас, — и я, и Юлия Михайловна, — как это Вы, кто так любит природу, можете убивать частицу этой самой природы.

Теперь я прочитал в № 12 „Огонька“ Ваш последний рассказ об убийстве зверя. Я рассказ не покажу Юлии Михайловне, потому что мне не хочется ее расстроить, а сам я расстроился: мне жаль невинного, убитого охотником ни за что, ни про что медведя.

Вы знаете, как я люблю Ваше искусство. Искусство Ваше всегда трогает меня, „настраивает“ — в этом задача искусства, — организует. „Расстраивать“, вносить дезорганизацию в душевный мир искусство не должно: значит, оно слишком натуралистически, близко к жизненному факту. Эта близость не входит в природу искусства, любящего „дистанции“. Если искусство потрясает, то по-иному, чем делает это жизнь.

В Вашем превосходном рассказе о медведе меня потрясла именно жизнь, именно ее факт, а не факт литературный, — и я думаю, поэтому, что „ложная идея“, ложное нехорошее чувство легло в основу рассказа. Это чувство — жажда убийства невинного зверя, страсть эта „охотничья“ во что бы то ни стало пролить кровь существа вольного, свободного и могучего, которое хочет жить и живет так, как природа его создала — в природе, — как сами вы хотите жить для себя. Вот у Гамсуна, который так близок Вам и Вашему творчеству по общему жизненчеству, который так же любит восторги „от яркой весны света в таежных северных лесах, где в это время рожают медведицы и в ожидании скорого тепла лежат в своем полусне старые и молодые медведи“, как прекрасно пишете Вы, — у Гамсуна нигде Вы не почувствуете жестокости писателя и жажды в нем уничтожения живой жизни. Поэт не может быть жесток. Гамсун — не охотник; поэтому, вероятно, он полон любви и мудрой всеблагодати и радости оттого, что все цветет и живет, — Пац, попавший в нашу цивилизацию.

Должен ли быть поэт, каким являетесь Вы, безжалостным анатомом и по-научному подходить к исследованию жизни, к разрезанию ее на части? Вы, как анатом, производите эксперимент и над собою, и над природой, режете ее и наблюдаете с острым холодком любопытства (там, где любопытство, — всегда холодок), — наблюдаете со стороны, что из этого выйдет... Вы к искусству в этом рассказе подходите как охотник (не только как поэт): в Вас поэтому живо выплывает эгоистическое чувство личной заинтересованности, „корысти“, которой поэт в искусстве лишен („Не для житейского волнения, не для корысти, не для битвы“, — говорит поэт). И Вы ведь сами чувствуете в этот прекрасный день, когда так „особенно невыразимо прекрасно пахло снегом на солнце“, чувство какой-то „неловкости“, когда люди, без слов, словно прячась от себя и друг от друга, отправляясь в лес, запасаются лишней подвоей „для будущего покойного медведя, в которого стрелять буду я“ и который сейчас лежит в теплом полусне в своей глубокой берлоге, не зная, что готовит ему грядущий час... „Неловкость“ — пустяковая „неловкость“

оттого, что Вы живое существо уже расцениваете как „покойника“, „будущего покойника“... Разве это не убийство — холодно-кровное, заранее обдуманное?... И для Вас „исчезла вся красота сияющего лазурью и золотом северного леса“. Не до того! Вы волнуетесь, чувства напряжены, но волнуетесь не тем, что будете убивать, а выдержите ли экзамен на стрелка, попадете ли в цель... Живое существо обратилось в живую цель. „Весь ум, воля, чувств, вся душа моя перешла в указательный палец на спуске...“. Что если вдруг окажется: я только бумажный охотник! Ах, если б это оказалось!!

И Ваше „спасение“ елочка от порубки ее „жестоким“ фотографом, которому она

М. М. Пришвин на охоте (справа)

ведь жемала! — не есть проявление чувства любви к природе, а только чувства любви к себе: елочка Вам послужила, Вашему делу, она была Вам полезна, она заслужила Вашу благодарность. „Как! Ты самую елочку, что маячила мне, когда я к ней приближался...“ — этот эпизод „спасения“ елочки звучит сентиментально и почти цинично рядом с убийством действительно живого существа, чувствующего, трогательного не менее, чем „елочка“, красивого своей мощью, силой лесного жителя, — хозяина и человека лесов. Вам его не жалко, эту природу Вы не любите?

Охота, как и всякая травля, внушает мне возмущение. Это не борьба в условиях поединка, в условиях равенства. Неприятно читать, как Вы — вас было много, людей, вооруженных цивилизацией — окружаете берлогу, где запрятался от людей зверь, и его, беззащитного, трогательно потягивающегося от прерванного сладкого сна — коварно, неизвестно почему и зачем, убиваете. А тут же заготовленный фотограф от журнала снимает, как это Вы убиваете, — совсем цивилизация... И тут же Вас „обнимают и поздравляют“ люди, „снявшие“ от Вашего убийства...

Это — не сентиментализм мой: это только естественное чувство, требование оправданности убийства и равенства условий. Вот эта беззащитность одного и коварство другого (или других) рождает в читателе Вашего яркого, одного из правдивейших рассказов об охоте в русской литературе — тяжелое чувство неудовлетворенности душевной, — того, что я назвал „расстройством“, а гармоническое художественное произведение не может давать такого чувства: чувство удовлетворенности — вот эффект искусства полного. Значит, как я сказал, неверная мысль, чувство легли в основу рассказа.

Искусство рождает „чувства добрые“, так говорит эстетика и так говорит практика искусства. Помните Гаршиновских „Медведей“? Лесковского „Зверя“? Раскольникову при сцене избития лошади?.. А ваш рассказ мучит. Поэт берет и мучительные вещи, но „оправдывает“ их, преодолевает в свете искусства, обволакивая иным миром иных эмоций. Рассказ ваш мучит своей жестокостью неоправданной.

Одно из самых увлекательных чтений для многих — это чтение о животных, вот об этих удивительных существах, бесловесных, живущих рядом с нами — в природе и для нее — Вами так прекрасно описанных Нерлях, Кэт, Шариках. Дети, и часто взрослые, в лучшие минуты свои любят зверей, любят ухаживать к ним от людей. Оттуда и зоопарки — не только от научного интереса. Звери, конечно, жестоки, но такова их природа. Природа людей иная. Звери убивают, когда они голодны, когда боятся, защищаются, когда перед ними враг; они невинны в своей жестокости, как дети. Это — их природа и потому это не внушает отвращения. Взрослые люди, умные, понимающие, любящие природу, совершая бесполезное (а потому нецелесообразное, бесцельное) убийство, жестоки, — но не по природе человеческой, и не по природе звериной — ибо они не звери, а люди.

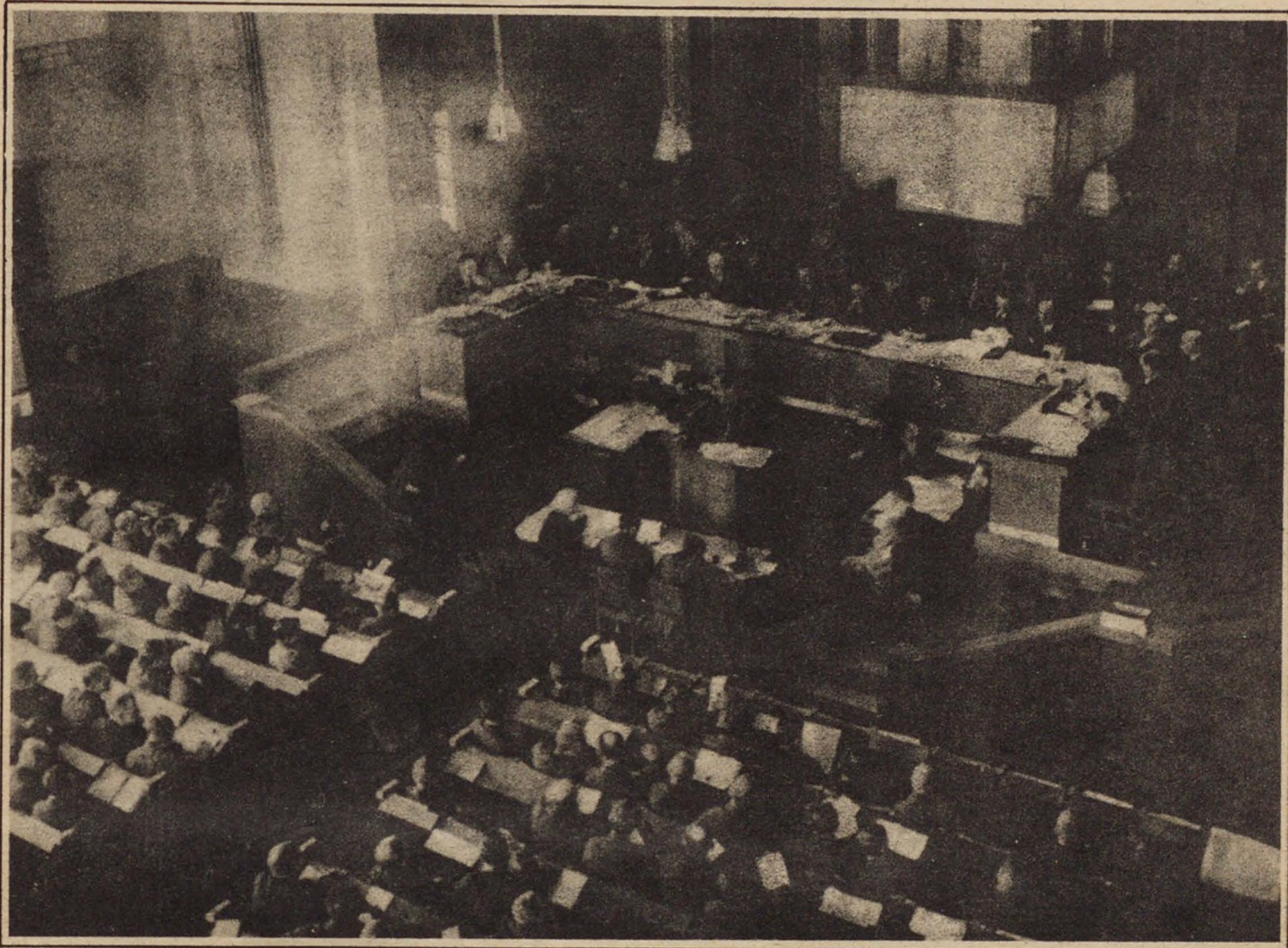
А люди должны быть человечны.

Человечность я беру здесь не с отвлеченной моральной точки зрения, а с точки зрения исторических условий прогресса, классового восхождения человечества, наиболее близкой вам — поэту — конкретно — эстетической. Я нескладно сказал то, что родилось по прочтении Вашего сильного рассказа, но Вы, наверно, поймете меня. Мне дорого Ваше творчество поэта, но я не могу принять охоту, как таковую, и думаю, что вторжение охотничьих настроений в Ваше творчество, с одной стороны, очень полезное, ибо помогает „усвоению“ природы, сближению и растворению в ней, с другой стороны — вносит подчас в иные Ваши рассказы элементы эмоциональной направленности, чуждые духу творческому, элементы житейской заинтересованности, разрушения эстетической гармонии. Искусство же живет творчеством, а не разрушением.

Думаю, не я один из ваших читателей и почитателей так „по-интеллигентски“ воспринимаю этот вопрос. Вот почему думаю, что эта переписка наша „из двух углов“ — из Вашего угла художественного творчества и моего — критического — представит, вероятно, интерес для этих читателей.

Д. Талыников

ИНЖЕНЕРЫ, В РАБОЧУЮ СЕМЬЮ!

В Москве состоялся IV Всесоюзный съезд инженеров и техников. Основной задачей съезда являлась проверка готовности инженерно-технических сил СССР к проведению в нашей промышленности пятилетнего плана социалистического строительства и укрепление союза рабочих и специалистов. На снимке — заседание съезда
Фот. А. Шайхета

Д. Л. ТАЛЬНИКОВУ

Ответ на „Открытое письмо“

Дорогой Д. Л.!

Мой рассказ „Медведи“ поразил Вас своей поэтически неоправданной жестокостью потому, что в „Огоньке“ Вы прочли только часть его, при чем в иллюстрированном журнале посредством фотографий было подчеркнуто его не поэтическое, а чисто очерковое значение. Во второй части рассказа описывается весьма рискованное мое положение в борьбе со вторым огромным зверем, оправдывается и *расстройство* от первой части. Это „расстройство“ первой части в своем роде „обнажение приема“, предпринятое с тем, чтобы с большей силой ввести читателя в сложный мир человеческого сознания. Мне самому неудобно защищать свой рассказ в его художественной независимости от „эгоистических побуждений“. Вы, с Вашей обычной чуткостью, это сами поймете. Рассказ целиком рано или поздно я где-нибудь напечатаю, во всяком случае в „Охотничьей газете“ Московского союза.

Из всех наших страстей мне кажется охота наименее жестокой. Возьмите любовь, которую так много описывает Кнут Гамсун. Вам, как доктору, лучше меня известно, сколько рождается ежедневно существ, обреченных быть жертвами этой неудержимой страсти. На данной ступени своего сознания я враг тех моралистов, которые стоят за насильственное прекра-

щение страстей. В моем понимании страсть является очагом нашей творчески преобразующей деятельности. Так, любовь к женщине — жестокая страсть, но семья с ее культом детства является творческим преобразованием любви, основанным целиком на самоограничении. Поэтическое чувство коренится тоже в жестоких страстях, и сила нежности поэта измеряется количеством крови, пролитой за его поэму.

Охота, это — игрушечная страсть в сравнении с большими страстями, и Вы напрасно обращаете на это внимание. За исключением недоразумения с рассказом о медведе, моя охота дала множество рассказов охотничьих и детских, в которых косвенно осуждается убийство животных. Каждый разумный охотник, по мере того как он вырастает, все больше и больше занимается самым мастерством, чем убийством: артистической стрельбой на стендах, обучением собак, спортивной, научной, художественной разработкой материалов, добытых еще в юности в жестокую пору, наконец, организацией разумного охотничьего хозяйства, которое не мало дает дохода нашему государству. Вот Вы, заступник животных, наверно даже и не знаете, какой сюрприз мы, охотники, приготовили Вам к этой весне: знаете же, друг мой, общими силами путем многолет-

ней борьбы мы наконец-то добились от правительства закона, по всей стране запрещающего весеннюю охоту. А как это трудно самим охотникам отказываться от весны, можете видеть из того, что я, например, поеду куда-нибудь в тундры, где можно охотиться — там, вероятно, ничего и не убью, но хоть с ружьем похожу, и то отведу себе душу.

Не имеющему в себе чувства охоты надо иметь в виду, что в этом чувстве самое убийство играет не главную роль. Кроме того, я, например, не позволю себе без нужды убить ни одну птицу, — не только мясо у нас поедается с большим удовольствием, но даже перья и пух идут на подушки. Самое возникновение вопроса о таком убийстве мне кажется чем-то болезненным. Подумайте, миллионы людей в нашей стране собственными руками должны резать выхоженную ими любимую скотину, и только немногие городские счастливицы получают мясо прямо из лавки. Впрочем, зачем я все это говорю! Вы, как доктор, отлично понимаете, что преобладающая часть жестокости происходит от уединенного интеллекта. Не будь у нас в стране вдумчивых охотников-хозяев, вы бы — городские, милые, прекраснодушные любители животных — незаметно для себя всю природу преспокойно съели бы в ресторанах.

Михаил Пришвин

Страсти

День печати в колхозах. К предстоящему дню печати ведется большая подготовительная работа не только в городах, но и в деревнях. Особенно успешно эта кампания проходит в колхозах.

На нашем снимке: получение очередной партии газет в колхозе „Красный Октябрь“, Рязанской губ.

Первомайский жетон красных фронтовиков. Германские рабочие хотят праздновать день первого мая, несмотря на все угрозы социал-демократиче-

ских полиции - президентов. Союз красных фронтовиков выпустил первомайский жетон, изображенный на нашем снимке.

В Индии английская политика приводит к все большим обо-

стрениям между угнетенным народом и его поработителями. Английские захватчики ни-

за что не хотят сознаться в том, что английский народ сам начинает выходить на дорогу сознательной и открытой борьбы, и во всех выражениях протеста видят „руку Москвы“. Вместо того, чтобы сваливать с большой головы на здоровую, они должны были бы обратить внимание на таких чиновников английского империализма, как изображенный на нашем снимке губернатор Бомбея — Лесли Вильсон, заслуживший себе громкую славу чудовищными расстрелами и бастующих индийских железнодорожников.

Новый торгпред СССР в Польше. Николай Васильевич По-

пов, бывший председатель Московского Городского банка и Мосгублана, назначен нашим торговым представителем в Польшу.

Жертвы военной муштровки. Во время холодов, свирепствовавших недавно на Рейне, среди войск французской оккупационной армии погибло от холода двести человек. Под влиянием общественности был возбужден процесс, во время

которого выяснилось, что помещения казарм не отапливались, что солдат даже во время 35° морозов заставляли выстраиваться на парадах в легких гимнастерках и часами

простоять под ружьем в виде дисциплинарного взыскания. Трое офицеров оккупационной армии приговорены судом к аресту. Один из них — Партурано — на нашем снимке.

50 миллиардов рублей ссудили за последнее время Соед. Штаты европейским государ-

ствам. Поэтому американские капиталисты не хотят оста-

Бернард Шоу, присяжный парадоксалист Англии, не устает оригинальничать. Теперь он выстроил себе специальный подвижной дом на колесах, в котором и поселился „на тоне при-

роды“. Дом может вращаться вокруг своей оси, чтобы быть обращенным в сторону солнца в течение всего дня.

Против религии. В связи с предстоящим праздником пасхи передовой пролетариат проводит по всему Союзу большую антирелигиозную кампанию.

На наших снимках изображены еврейские синагоги: слева — в Зиновьевске, справа — в Харькове, которые передаются под Дворец культуры и под клуб.

ваться посторонними наблюдателями по отношению ко всему, что происходит в Европе, и не вмешиваться самым активным образом в жизнь европейских держав. В полном согласии с такой политикой является назначение послом САСШ в Лондон знаменитого генерального агента по репарациям — Дауза. Даузе блестяще провел финансовое порабощение Германии и заокеанские банкиры имеют полное основание рассчитывать на активную роль Дауза в назревающих конфликтах.

Вышел в свет № 8 журнала „Советское Фото“. В номере приведены итоги конференции московских читателей журнала. В журнале, кроме руководящего материала по развитию фото-любительского движения в деревне, дан ряд технических статей и заметок, в том числе статья о применении диапозитивных пластинок для репродукционных целей. Впервые в номере приводятся снимки для читательской критики.

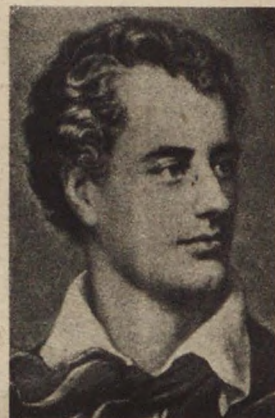

В журнале объявлен большой антирелигиозный конкурс с 8 премиями.

В номере 8 страницных иллюстраций меццо-тинто, форматом во всю страницу, и много иллюстраций в тексте.

Джордж Гордон Байрон, знаменитый английский поэт XIX века, оставил яркий след в мировой литературе, создав особое направление, известное под названием „байронизма“. Поэма Байрона „Бенпо“ относится к разряду его шуточных поэм, которые, однако, нельзя считать только пустой поэтической погрешностью. В пестрой картине балов Байрон находит удачный фон для социальной и политической сатиры, и под грациозной формой анекдота кроются меткие нападки на современный Байрону строй Англии.

Поэма „Бенпо“, снабженная предисловием и примечани-

ями, вышла в Библиотеке „Огонек“ и рассылается с этим номером журнала.

В Библиотеке „Огонек“ выходит и рассылается с этим номером книжка А. Новикова-Прибоя „Подарок“. Рассказы эти, как и большинство произведений талантливого писателя, посвящены морской жизни и отличаются высокой

художественной изображительностью, которая вместе с увлекательной фабулой делает книжку весьма занимательной для читателя.

От редакции. В настоящее время тиражи религиозных изданий, указанных в предыдущем № 16 „Огонька“, изменены нижеследующим образом: „Христианин“ — 5 000 экз., „Духовные песни“ — 10 000 экз., „Батист“ — 4 000 экз., „Голос истины“ — 1 000 экз.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ „ОГОНЬКА“.

Следующий № 18 журнала „Огонек“ выйдет 12 мая с. г.

СРОК ИСТЕК

Очерк З. Поляковой

Белогвардейцы когда-то видели сладкие сны: добровольческая армия, разбив большевиков, победоносно въезжает в Москву на белых конях, под малиновый звон сорока-сороков. Именно на белых конях и под колокольный звон — не иначе.

В дореволюционной России колокольный „благост“ имел большое политическое значение. Он прославлял империализм и укреплял самодержавие: с веселыми перезвонами возносились благодарственные молебны за успешное подавление революционных восстаний. Яркий пример трогательного единения монархии и религии — „торжественный“ колокол храма Христа-спасителя с изображениями „святителей“ и российских императоров.

Гулкий церковный колокол, как и другие атрибуты христианской религии, имеет свою историю, восходящую к далеким языческим временам.

Мир в воображении дикаря кишел злыми духами и призраками. Всякие беды и потери, с которыми связана жизнь, варварские народы приписывали гневу и кодовству призраков. Чтобы изгнать их, жители Востока прибегали к помощи шаманов, имевших для этой цели специальные металлические барабаны. С течением времени шум для отпугивания злых духов был заменен в некоторых странах колокольчиками. Обычай диких не были редки и среди цивилизованных наций Европы. Древние греки и римляне, употребляя колокол в религиозных празднествах и домашнем обиходе, думали, что звуки его обладают чудодейственной силой и могут отгонять злых демонов и волшебников.

Христианская религия, позаимствовав множество обрядов у язычников, не преминула воспользоваться и колокольным звоном. В IV веке ноландский епископ Павлин впервые устроил при храме колокол и сзывал им христиан на общественную молитву.

Литье церковных колоколов в России достигло высокого развития в эпоху Бориса Годунова. К этому времени относится основание первого колокольного завода в Ростове. Основатель его — епископ Иона III — в одном из писем между прочим заявлял: „Я на своем дворышке отливаю колоколишки и удивляюсь этому людншкн“. Действительно, таких громадных колоколов, какие были отлиты в России, не знает ни одна страна на земном шаре. Вот вес некоторых из них: в Ростовском соборе — колокол „сысой“ — 32,8 тонны, „полиелейный“ — 16,4 тонны, „будничный“ — 8,2 тонны; в Троице-Сергиевской лавре — „большой“ — 65,6 тонны, „Годунов“ — 33,3 тонны. Самый большой из 37 колоколов на кремлевской колокольне Ивана Великого весит 57,4 тонны.

Правящие классы не стеснялись расходовать огромное количество меди на удовлетворение религиозных причуд.

В „Русском паломнике“ 1895 года некий богослов утверждает, что русские издавна любят колокольный звон. Не спорим. — может быть и любили.

Но времена меняются, а с ними — мировоззрения и вкусы. За последние годы все чаще и чаще раздаются голоса трудящихся, отколовшихся от церкви, против колокольного звона. Совсем недавно в „Орловской Правде“ опубликовано замечательное письмо — настоящий вопль о прекращении церковного звона.

„Советские законы, — говорится в нем, — за нарушение общественной тишины и спокойствия карают штрафом до 500 рублей. Почему же наши законы не карают таких нарушителей общественной тишины,

Тревожно гудят заводские сирены: — Голод! Медный голод!

А рядом церковный звон медных колоколов. Оглушительно-наглый, он подкачивает верный способ смягчения металлического кризиса.

По приблизительной статистике, в Союзе насчитывается около 50 тысяч действующих церквей. Общй вес колокольной бронзы на них достигает 150.000 тонн. Изъятие колоколов может обеспечить нашей промышленности медное сырье на три-четыре года.

Факт изъятия колоколов на нужды государства не является чем-то неслыханным в истории. В годы торжества религиозных устоев Петр Великий из московских коло-

колов изготовил 300 пушек — целую артиллерию, взамен отбитых шведами под Нарвой. „Пролетариат нашей страны поставил себе целью догнать и обогнать передовые капиталистические страны в относительно короткий исторический срок“ Для этой героической борьбы за социалистическое строительство необходимо мобилизовать все средства страны. Одним из таких средств будет кампания по сбору металлического лома.

Вот здесь-то надо подумать и о церковных колоколах. Снятие колоколов не может явиться посягательством или стеснением религии. Нисколько. Да молитесь себе на здоровье, если вам это нравится. Но только без шума. Молятся же члены различных религиозных сект без колокольного бума.

В Швейцарии вообще запрещены церковные трезвоны. В городах, где боль-

шинство имеет часы, возвещать начало богослужения колокольным звоном совершенно излишне. В деревне же, где зачастую колокольный звон ориентирует крестьян во времени, убедить население снять колокола гораздо труднее. Здесь нужна большая разъяснительная работа. Крестьяне охотнее пойдут навстречу этому важнейшему начинанию, если их материально заинтересовать. Снятые колокола селяне могут продавать государству, а деньги обращать на местные культурно-хозяйственные нужды.

Вопрос о снятии церковных колоколов всплыл не случайно. О нем заговорили сами массы. Крестьяне села старые Бурасы, Вольского округа, Нижне-Волжского края, всем миром сняли колокол и отдали его на индустриализацию страны.

Церковные колокола — пародное достоинство, отданное советской властью во временное пользование группам верующих. Срок пользования истек. Теперь колокола нужны пролетарскому государству.

В огромных меднолавильных печах вместе с колоколами растопятся и грезы беломыгранских мечтателей о Москве, о белых конях и „малиновом перезвоне“.

Церковный колокол разбирают, чтоб перелить его в станционные

как церковников? Хочется ли вам спать, болен ли человек, — церковнику безразлично, он упорно долбит в колокол и нарушает покой, необходимый трудящемуся для восстановления своих сил“.

По просьбе рабочих Выборгского района, Ленинградский Совет закрыл церковь „Иоанна Предтечи“, колокола которой мешали рабочим слушать концерты в Доме культуры. Трудящиеся Владимирской губернии в течение прошлого года закрыли 31 церковь, сняли колокола и передали их на нужды индустриализации страны.

Советская металлопромышленность испытывает медный голод, почти такой же острый, как некогда голод, обрушившийся на Поволжье.

50.000 тонн медного лома, необходимые промышленности в течение года, только наполовину обеспечиваются союзными заготовительными организациями. Остальное количество меди на звонкое советское золото покупается за границей.

В пылу лихорадочной экономии хозяйственники дрожат над каждым граммом цветного металла и мучительно ломают головы:

— Можно ли сократить потребление меди?

З. Полякова

14

Автор „Ночных пауков“ — Борис Гусман — сделал попытку показать социально-чуждую пролетариату ночную уголовную Москву. Вышедшие люди — князь Гидеон и его подруга Катин — мечтают о Париже. В пивной они встречают бухгалтера Сандунова и его помощника Галочкина, зашедших выпить пиво перед баней. Тугой портфель бухгалтера создает у „бывших“ иллюзию о встрече с минимым растратчиком. 30.000 Сандунова оказались бы Катин достаточными для парижских авто и туалетов. Бухгалтер поддается, когда его везут в ресторан, но крепко держится за портфель, даже когда его везут к „Николаю Романову“ — палаточнику Рябчику, который халтурит в кино в роли самодержца. Рябчик соглашается разыграть эту роль и дома за 25 рублей выманить портфель Сандунова. Наконец, портфель в руках пауков. Он вскрыт. Какое разочарование! — банное белье. Этот сюжет осложняется путаницей с портфелями, которую производят практи-

канты кино-режиссеры, спускающиеся на дно в поисках подходящего типажа. Она же помогает Б. Гусману распутывать интригу его буффонады. Оперетта не может обойтись без экзотики — по крайней мере традиционная оперетта, в плену которой в достаточной степени оказались и либреттист, и постановщик „Ночных пауков“ (ансамбли, две пары, комическая старуха, второе действие в „роскошном“ ресторане и т. д.). Автор сумел привлечь эксцентрики и психологически ее оправдать, используя ее для характеристики своих персонажей. Катин мечтает о Париже, — его образы мелькают на экране кино, составленном посетителями пивной из газет, прикрепленных к

палкам (ловкий трюк режиссера); душа бухгалтера тянется к экзотике, — на сцене акробатические танцы, — правда, весьма сомнительного художественного качества. Московский театр оперетты (режиссер Алексеев) поставил „Ночных пауков“ по своей венской традиции, не позаботившись о том, чтобы выявить элементы советской буффонады, имеющиеся в либретто. Оно не получило также поддержки и у композитора В. Оранского, давшего бледную, несамостоятельную музыку, без единого запоминающегося мотива, хотя куплеты В. Массе дают вполне благоприятный материал. Однако, „Ночные пауки“ все же довольно забавный, советски направленный опереточный спектакль. Его дефекты надо считать издержками перерождения оперетты — буржуазки из Вены и Парижа, которая, не желая оставаться уродом в театральном семье, медленно, но честно советизируется.

Катин — К. М. Новикова

Рябчик — Г. М. Арон

А. Гамов

НОВОЕ НА СЦЕНЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Новая постановка Московского театра для детей „Про Дзюбу“ („Шиворот навыворот“) вызвала интерес в педагогических и широких „детских“ кругах. Автор (Наталья Сац) показывает детям не „просто“ ребенка, не примитивно „хорошего“ или „дурного“ героя, но маленького человека с понятным, и в то же время большим внутренним миром — живого человека, определение которого уходит из рамок „дурной“, „хорошей“.

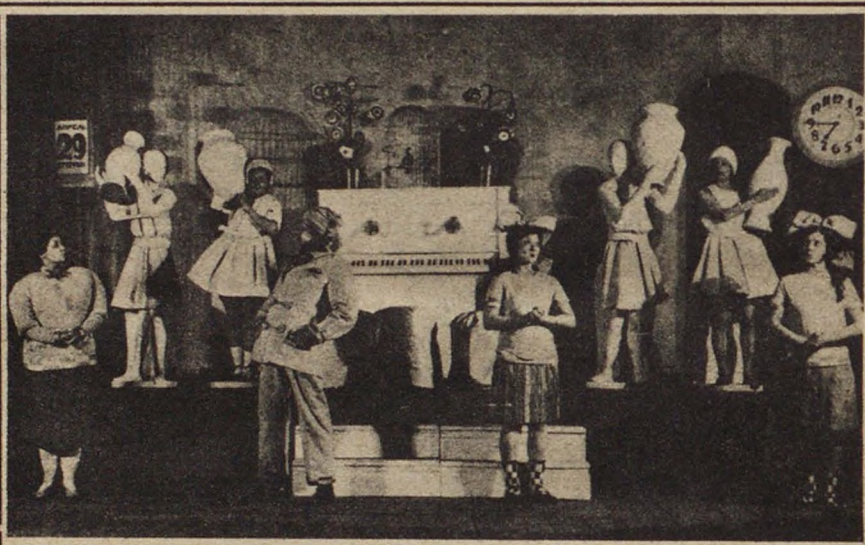
В пьесе „Про Дзюбу“ выведен тот особый мир детской выдумки, который мало известен взрослым. Весьма обычна фраза „пап“ и „мам“: „Не говорите этого при детях!“, но не все знают, что очень многое дети не говорят при взрослых, потому что „большие этого не понимают“. Это сокровенное — выдуманные города, свой необыкновенный язык и др. — дорого ребенку, нужно ему, помогает формироваться его творческой личности.

В пьесе „Про Дзюбу“ мальчик Вася выдумал себе страну Пашуканию, где он са-

мсельпромпик на колесе и с процеллером, дом на коньке, тигр с бородой и с клювом“ и т. п. Дзюба не только выдумывает и рассказывает друзьям своим, Пинке и Павлу, о своей стране, — он решает отправиться в путешествие „по всей Москве“, чтобы и другие стали „выдумывать необыкновенное“ и на самом деле вышла бы Пашукания.

Большой интерес, с которым дети смотрят спектакль, последующие беседы, детские письма — подтверждают, что мысль спектакля до детей доходит, что идея пьесы актуальна, что она дает положительную зарядку.

В постановке (режиссер Наталья Сац) использован метод органического введения в действие кино-мультипликата, впервые в СССР примененного в постановке „Негритенок и обезьяна“.

Сцены из второго действия: налево — у будки, направо — у толстых

мый главный — Дзюба. В Пашукании есть много городов: Водичкинский, где „отовсюду и всегда течет вода“; Обратик, „где ходят и говорят в другую сторону“; Наоборотик, где „мос-

Мультипликат помогает передать зрителю те картины необыкновенных городов, которые представляет в своей фантазии Дзюба.

Кстати, здесь небезынтересно вспомнить, что до сих пор нереальные мысли героев неизменно изображались как сны, — в то время как в данной постановке взят иной принцип: „то, что человек себе ясно представляет, он как бы видит, — следовательно, могут видеть это и зрители“.

В некоторых сценах мультипликат органически помогает разворачиванию действия.

Так, в сцене города герои пьесы Дзюба (арт. Коренева) и Нинка (арт. Верлюк) садятся на рельсы трамвая, изображенного мультипликатом, спорят с людьми, изображенными мультипликатом, и т. п.

Спектакль представляет собою теснейшее сплетение слова, движения, музыки, кино, краски, — при чем каждым из этих элементов режиссер пользовался, как средством для нахождения целого синтетического спектакля.

Автор и режиссер пьесы, Наталья Сац

В. Н.

НАШИ ФОТОГРАММЫ

НОВАЯ ФАБРИКА. В Павлове, Нижегородской губ., строится грандиозное здание фабрики полуфабрикатов. Оборудование фабрики производится по последнему слову техники.

На снимке: строящееся здание фабрики.

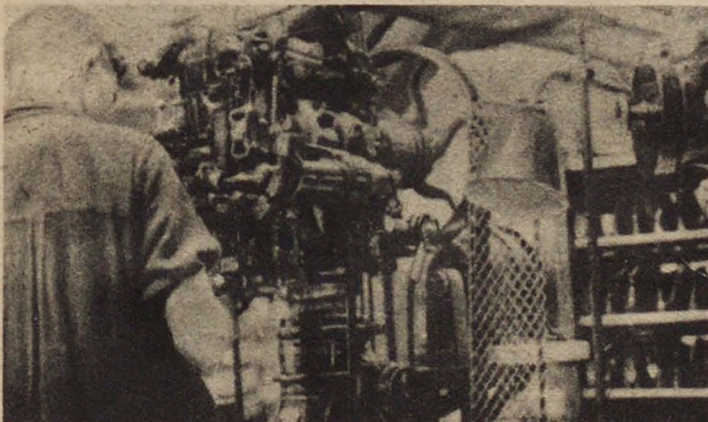
Фот. С. Щеткина

НА ПОМОЩЬ ПОДШЕФНОЙ ДЕРЕВНЕ. Комсомольцами иваново-вознесенской фабрики им. рабочего Федора Зинovieва организован ряд воскресников по починке сельскохозяйственного инвентаря подшефных деревень.

На снимке: комсомольцы механического отдела за ремонтом частей плуга.

Фот. В. Смолина

ФАБРИКА ПО ВЫРАБОТКЕ ДЕТСКОЙ ОБУВИ открывается в ближайшее время при фабрике „Скорострел“ в Ленинграде. Частичное оборудование фабрики уже закончено, и некоторые станки уже пущены в ход.

На снимке: у нового станка.

Фот. С. Шемиота

ЦЕРКВИ И СИНАГОГИ ПОД КУЛЬТУРНЫЕ НУЖДЫ ТРУДЯЩИХСЯ. В начале апреля в Зинovieвске с большим подъемом была проведена антирелигиозная демонстрация. Трудящимися города возбуждено ходатайство перед ВУЦИК о передаче собора, синагоги, кирхи и костела для обслуживания культурных нужд зинovieвских рабочих.

Фот. А. Янишевского

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ВОССТАНИЯ ВЕНГЕРСКОГО И БАВАРСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА было торжественно отмечено всей пролетарской общественностью. В ряде докладов, заслушанных на заводах и фабриках Москвы, подчеркивалось значение восстания в пробуждении революционного сознания трудящихся масс Запада.

На снимке: торжественное заседание на фабрике „Красный Октябрь“ в Москве, На трибуне — тов. Мадьяр.

Русс-Фото

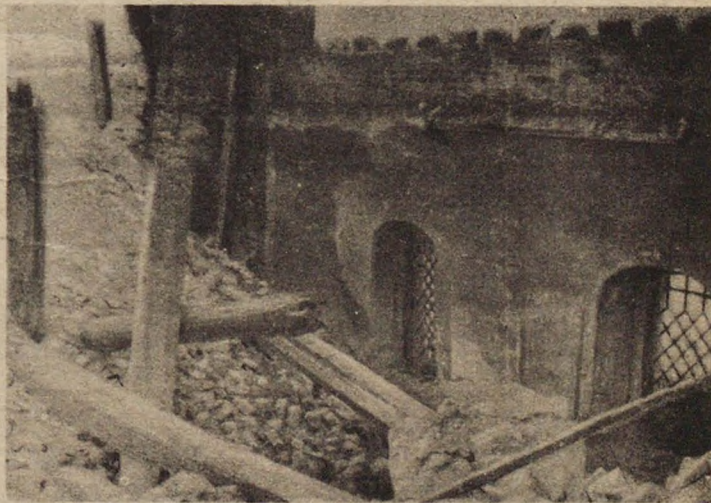
РЕМОНТНЫЕ БРИГАДЫ МОСКВЫ ЗА РАБОТОЙ. В случаях обнаружения вагонов-вонюх или убожествами расхождения рельс в местах их спайки, технический отдел МКХ немедленно извещает об этом, и на место повреждения высылается ремонтная бригада с прибором для электроспайки. Провод от прибора соединяется посредством длинного шеста с трамвайным проводом так что ремонт не создает перерывов в трамвайном движении.

ВЫПУСК КУРСОВ ПО ПОДГОТОВКЕ ТРАКТОРИСТОВ РУЛЕВЫХ в Павлограде был ознаменован торжественной демонстрацией.

На снимке: тракторная колонна перед отправлением на демонстрацию.

Фот. Д. Багаева

РУШАТСЯ ОЧАГИ РЕЛИГИОЗНОГО ДУРМАНА. Антирелигиозное настроение масс крепнет. По всем городам и деревням церкви и синагоги отдаются в распоряжение клубов и библиотек. Негодные к этому идут на слом, с расчетом на использование строительных материалов.

На снимке: развалины церкви Симеона Столпника в Нижнем Новгороде после взрыва.

Фот. Е. Полуэктова

ПОБЕДА СОВЕТСКИХ ЛЕДОКОЛОВ

Советские ледоколы „Ленин“, „Ермак“ и „Трувор“, вышедшие для спасения иностранных судов, затертых льдами в районе Кильской бухты (см. „Огонек“ № 11, 1929 г.), благополучно возвратились в Ленинградский порт. Ледоколами было освобождено и выведено из полосы льдов свыше трехсот судов, принадлежащих иностранным торговым агентствам. На снимке — ледокол „Ермак“ (снимок сделан с ледокола „Трувор“); внизу — комсомольцы ледокола „Ленин“, с капитаном тов. Николаевым.

Фот. Н. Штерпера

Редактор НИХ. КОЛЬЦОВ. Издатель — АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“. Непринятые редакцией рукописи не возвращаются. Переписка без указания источника воспрещается. РЕДАКЦИЯ — Москва 6, Страстной бульв. 11. Тел. 2-96-12. ГЛАВНАЯ КОНТОРА — Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 3-12-56. Отд. Рапроотр. — 5-51-69 и 1-35-28; Почт. под'отдел — 4-28-45. Московская Контора — 1-28-19 и 1-28-20. Рекламный отд. — 3-91-48. Бюро иногородних объявлений — 4-64-40. Адрес для телеграмм: Москва „Огонек“. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — Проспект 25 Октября, д. 1., тел. 5-26-09. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1929-й г.: „ОГОНЕК“ с приложен. Библиотеки „Огонек“ (2 кн. в неделю): на год — 13 р. 50 к., на 9 мес. — 10 р. 75 к., на 6 мес. — 7 р., на 3 мес. — 3 р. 75 к., на 1 мес. — 1 р. 40 к. „ОГОНЕК“ без приложен.: на год — 4 р. 50 к., 9 м. — 3 р. 60 к., 6 мес. — 2 р. 40 к., 3 мес. — 1 р. 20 к., 1 мес. — 40 к. ЗА ГРАНИЦУ — „ОГОНЕК“ с приложением Библиотеки „Огонек“: на год — 6 долл. 75 цент., на 6 мес. — 3 д. 50 ц., на 1 мес. — 70 ц. „ОГОНЕК“ без приложен.: на год — 2 долл. 25 ц., на 6 мес. — 1 д. 20 ц., на 1 мес. — 20 ц.

Главлит № А 36.819. Offset-печать типо-литогр. Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК“, Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26. Тираж 430.006

С этим № „Огонька“ по 2-му и 3-му АБОНЕМЕНТАМ рассылаются книжки „Библиотеки ОГОНЕК“:

БАЙРОН—Белпо; А. НОВИКОВ—ПРИБОЙ—Подарок.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ НА СОЧИНЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА:

Издательство напоминает подписчикам „Огонька“ с приложением сочинений ЧЕХОВА о необходимости уплатить третий взнос по годовой подписке в рассрочку.

по 1 абон. („Огонек“ с соч. Чехова) 4 р. — к. || по 4 абон. („Огонек“ с соч. Чехова и „Чудак“) 5 р. — к.
по 3 абон. („Огонек“ с соч. Чехова и „Библ. Огонек“) 5 р. 50 к. || по 5 абон. („Огонек“ с соч. Чехова и „Женск. Журнал“) 4 р. 50 к.

Срок уплаты 3-го взноса—истекает первого мая. При посылке в Главную Контору „Огонька“ очередного взноса, на переводе обязательно наклеивать адресную наклею, по которой доставляются журналы. Издательством приняты самые решительные меры к тому, чтобы с каждым номером журнала высылалось не менее одной книги Чехова. Таким образом, в течение ближайш. же времени все задержанные из-за бумажных затруднений книги Чехова будут полностью доставлены подписчикам.

КТО

ХОЧЕТ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

ТИРАЖ

3-й ПОТЕРЕН ОСОАВИАХИМА СОСТОИТСЯ 2-го ИЮНЯ

Ячейки Осоавиахима должны закончить реализацию оставшихся у них билетов к 15-му мая, используя для этого Первомайские праздники, и произвести полный расчет за билеты к 1-му июня сего года.

ЛУЧШИЕ ЯЧЕЙКИ ЗА ХОРОШУЮ РАБОТУ БУДУТ ПРЕМИРОВАНЫ

КТО ЕЩЕ НЕ КУПИЛ БИЛЕТА?

В ЛОТЕРЕЕ **16.000 ВЫИГРЫШЕЙ** на **300.000 рубл.**

Главные выигрыши—2 КРУГОСВЕТНЫХ ПУТЕШЕСТВИЯ сроком на 4 и 2 мес. (стоимостью в 10.000 и 5.000 рубл.)

17 ПУТЕШЕСТВИЙ в разные страны света: АМЕРИКУ, ТОКИО, АЛЖИР, ВЕНУ, КОНСТАНТИНОПОЛЬ, БЕРЛИН, ПРАГУ, КЕНИГСБЕРГ и РИГУ—стоимостью от 800 до 2.000 рублей каждое.

100 ВЫИГРЫШЕЙ: ПОЕЗДКИ по ВОЛГЕ и на КАВКАЗ—по 200 и 150 рублей
МОТОЦИКЛЫ, АЭРОСАНЫ, МОТОРНЫЕ ЛОДКИ, ГЛАНСЕР, БЕЛОСНЕДЫ и пр.

Всего 40 названий выигрышей.

Билеты продаются во всех ячейках Осоавиахима, сберкассах и отделениях Госбанка

Цена билета 50 коп.

КТО

ДОЛЖЕН КУПИТЬ БИЛЕТ

3-й ВСЕСОЮЗНОЙ ЛОТЕРЕИ ОСОАВИАХИМА

ТОЧНАЯ КОПИЯ
ИНДИЙСКОГО

ЖЕМЧУГ

ТЯЖЕЛОВЕСНЫЙ
МАССИВНЫЙ
НЕБЫШУЩИЙ

ЛУЧШЕЕ УКРАШЕНИЕ — ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

ОМЕРЕЛЬЕ—45 см.—8 р. 40 к.; 75 см.—12 р.; 100 см.—15 р.; 150 см.—22 р.; 180 см.—28 р.
СЕРЬГИ—подвески из жемчуга—3 р. 75 к.; крупная одна жемчужина—5 р. 50 к.; для непроколотых ушей—5 р. 90 к.

Все изделия имеются также розового цвета по тем же ценам. Все в серебр. оправе и с серебр. замками, в изыск. футляре. Цены указ. с перес. и упаковки. Высылает без задатка наложен. платежом. Художественная мастерская Ф. КАПЛАНА. МОСКВА, Почтамт, почтовый ящик 945/0.

ЧУДЕСА А. Л. Нечаев.

Интересн. забавн. ЗАНИМАТ. ОПЫТЫ

Разъясн. фокусов, Жемчужн. без туловища, Несгор. нити, Воляшебн. стекла и друг. 295 стр. 150 рпо.

Ц. 1 р. 65 к. с перес. Москва, Мухомовая 22/3.

Кооп. Т-во „САМООБРАЗОВАНИЕ“

Альбом ВЫПИЛИВАНИЯ

о руковод. и прилож. 12 пидок, 5 л. перес. бум. Высыл. нал. за 1 р. 85 к. с перес. Москва, Изд. 1929 г. Мухомовая, 22/3.

Кооп. Т-во „САМООБРАЗОВАНИЕ“

СТИХИ, РАССК. ОЧЕРКИ

Л. И. Т. наброски исправляет, подготовл. к ПЕЧАТИ МАСТ. ХУДОЖЕСТВ. СЛОВА. Обращ.: Москва, Лубянский проезд, 5/78, Безродному. Отзывы спр. беспла. (отв. марки) Лично от 12-2 ч.

ЛЮБУЮ КНИГУ

в 3-дневный срок высыл. налож. платеж. Заказы и деньги адр.: Москва, Центр. Полятехнич. Музей, 110/0 и Кооперат. Т-во „КУЛЬТУРА ЗНАНИЕ“.

ПОКУПАЙТЕ БЕЗ РИСКА

ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТРИР. ПРЕС-КУРАНТ ЗА 20 КОП. МАРКАМИ БЛОЖЕН. В КОНВЕРТ.

СПЕЦИАЛЬНАЯ МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 68/6.

С Н. МОМЕНТ

ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА

ГРИМ ГЛАЗ

для бровей, на год 3 р., 6 м. 2 р., для волос 3 р. 50 к. и 4 р. 50 к.

Высылает наложенным платежом.

Лаборатория кооператива „ОРЭАЛЬ“, Москва, Тверская, 68/т.

III Остерегайтесь подделок!!!

ЛУЧШАЯ БЕЗВРЕДН. НИЖНЯЯ КРАСКА для БРОВЕЙ, РЕСНИЦ, ВОЛОС

моментально окрашивает в любой цвет, не пачкает, не осыпается 5—6 недель.

ОРЕАЛЬ — „БАСМА-ХЕНЭ“

для бровей, на год 3 р., 6 м. 2 р., для волос 3 р. 50 к. и 4 р. 50 к.

Высылает наложенным платежом.

Лаборатория кооператива „ОРЭАЛЬ“, Москва, Тверская, 68/т.

НАСТОЛЬН. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ

СЛОВАРЬ

СПРАВОЧНИК

к коленкор. перепл. 688 стр.

III доп. изд. Ц. 4 р. 50 к.

Высыл. налож. платеж. Издат.

Пролет. О-во „Прометей“

Москва, Центр, Никольская 3/о.

Важно СЕКРЕТАРЯМ!

делопроизвод. протоколист. и др. Вышло пособие по редактированию речей, докладов и т. п. (издан. 8-е). Ц. 1 р. 70 к., налож. плат.—2 р. Гор. Пермь, 1-е почтовое отделение

З. Б. АБРАМОВИЧУ.

Москва, Центр, Никольская 3/о.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА ДЛЯ ЭЛЕКТРОТЕХНИКОВ

ОРИГИНАЛЬНЫЙ КОЛЛЕКТИВНЫЙ ТРУД

ВсЕ ОТДЕЛЫ ЭЛЕКТРОТЕХНИКИ „СЭТ“

Под общей редакцией профессоров: М. А. Шателена, В. Ф. Миткевича и В. А. Толвиного. Подписная цена на все 4 тома — сорок (40) руб. Задаток при подписке шесть (6) рублей.

Вышли из печати I и III томы.

Все издание будет закончено до конца текущего года.

Подобранные проспекты—бесплатно. Запросы, подписку и задатки направлять: Ленинград, Мойка, 53/0. Изд-во КУБУЧ.

Россетерский восстановитель „ЭЛЭМ“

постепенно возвращает седым волосам их натуральный цвет, блеск и вид молодости, предохраняет от выпадения, уничтожает перхоть. Флакон 2 р. 75 к.

ДЕПИЛЯТОРИЙ W. M. — „ЭЛЭМ“

порошок для моментального уничтожения волос, где того требует гигиена и красота тела. Банка 3 руб. 50 к. и 1 р. 75 к.

Асептическое желе—лучшее средство для успокоения раздраженной бритьем кожи и прекращения кровотечения при порезах. Туба 30 к. и 60 к.

Продажа во всех аптеках магаз. оптик. и универсам. В случае отсу. на месте выс. нал. плат. по получ. 1/2 стоим. (почт. марк.). Кооп. „ЭЛЭМ“ Москва 9, Тверская 15, отд. 1.

Рекламбюро „ОГОНЕК“ Москва, Страстной бульвар 11.

К П